

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Хосе Карлос Сомоза

КЛАРА
и
ТЕНЬ

Поистине дивный роман, жуткий, остроумный
и захватывающий.

Sunday Times

Хосе Карлос Сомоза

Клара и тень

Серия «Звезды мирового детектива»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67152897

Клара и тень: Азбука-Амтикус; СПб; 2022

ISBN 978-5-389-20918-3

Аннотация

Добро пожаловать в дивный мир, где высочайшая человеческая амбиция – стать произведением искусства в жанре гипердраматизма, картиной или даже бытовой утварью, символом чужого богатства и власти. Теперь полотна художников живут в буквальном смысле, они дышат и долгими часами стоят неподвижно, украшая собой галереи и роскошные частные дома. Великий пророк нового искусства – голландский мастер Бруно ван Тисх. Стать картиной на его грядущей выставке – мечта любого профессионального полотна, в том числе Клары Рейес, которая всю жизнь хотела, чтобы ею написали шедевр. Однако полотна ван Тисха одно за другим гибнут от руки изощренного убийцы, потому что высокое искусство – не только подлинная жизнь, но и неизбежно подлинная смерть, и детективам, пущенным по следу, предстоит это понять с нестерпимой ясностью. Мы оберегаем Искусство, ибо оно –

ценнейшее наследие человечества; но готовы ли мы беречь человека?

Хосе Карлос Сомоза, популярный испанский писатель, лауреат премии «Золотой кинжал» и множества других литературных премий, создатель многослойных миров, где творятся очень страшные дела, написал блистательный философский триллер, неожиданный остросюжетный ребус, картину черной человеческой природы, устремленной к прекрасному.

Содержание

Шаг первый	18
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Хосе Карлос Сомоза

Клара и тень

© О. Коробенко, перевод, 2005

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Агтикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

В этом умопомрачительном триллере из мира искусства Хосе Карлос Сомоза убедительно доказывает, что даже абстрактные, казалось бы, композиции прекрасно могут сочетать экшн, интригу, эмоциональную драму и головокружительную дозу сексуального напряжения. «Клара и тень» – фантастика, триллер и трактат об искусстве и убийстве под одной обложкой. Это удивительный роман, раскрывающий перед нами восхитительно ненормальные идеи об эстетике и природе человека. С каждым шагом Сомоза заманивает нас все глубже – сбивками темпа, дикими представлениями об эстетике, подчеркнутым здравомыслием детективного расследования и истерически смешными видениями будущего.

Times Literary Supplement

В «Кларе и тени» мироустройство, придуманное Хосе Карлосом Сомозой, увлекает нас едва ли не больше, чем густая детективная интрига. Проза Сомозы неуклонно затягивает читателя все глубже в этот поразительный и безусловно страшный мир.

Booklist

«Клара и тень» – философский триллер, потрясающий гибрид классического триллера с романом идей, и пусть вас это не пугает: читать его в таком ракурсе интереснее всего.

Complete-Review.com

Имя Хосе Карлоса Сомозы – синоним литературного качества и богатейшего воображения. Он умеет творить странные миры – почти реальные и, однако, далекие от реальности – и радушно приглашает нас войти.

Ambito Cultural

Неослабное напряжение задается гибелью первой жертвы, поддерживается обещанием дальнейших неминуемых убийств – и одновременно перед нами изящно раскрываются глубочайшие проблемы метафизики и искусства.

Kirkus Reviews

Среди авторов, пишущих на испанском языке, Хосе Карлос Сомоза считается одним из самых смелых новаторов в области литературы мистической и фантастической направленности; в своих

произведениях он стремится преодолеть барьер между жанрами... Его романы переведены более чем на тридцать языков.

Planeta de Libros, España

Ласаро Сомозе

С красоты начинается ужас¹.

Рильке

Девочка-подросток на подиуме обнажена. На уровне нашего взгляда гладкий живот и темный эллипс пупка. Голова склонена набок, глаза опущены, одна рука прикрывает лобок, другая на бедре, колени сведены вместе и чуть согнуты. Она окрашена охрой и сиеной натуральной. Тени из сиены жженой подчеркивают грудь и обводят линию щиколоток и щелку. Мы не должны бы говорить «щелку», поскольку речь идет о произведении искусства, но при взгляде на это ничего другого в голову не приходит. Крохотная вертикальная впадина, лишённая даже следа волос. Мы обходим подиум и рассматриваем фигуру со спины. На смуглых ягодицах играют блики света. Если отойти назад, сложение ее кажется более невинным. Небольшие белые цветы ковром покрывают ей волосы. У ее ног тоже цветы – лужица молока. Даже на расстоянии ощущается этот странный, идущий от нее запах, будто пахнет благоухающим от дождя лесом. Рядом с загра-

¹ Райнер Мария Рильке. Дуинские элегии. Элегия первая. Здесь и далее перев. В. Микушевича. – *Здесь и далее примеч. перев.*

дительным шнуром – табличка с названием на трех языках: «Падение цветов».

Состояние транса, в которое погружена публика, прерывают мелодичные ноты громкоговорителя: музей закрывается. Женский голос сообщает об этом по-немецки, потом по-английски и по-французски. Как правило, все понимают или по крайней мере догадываются, о чем речь. Преподавательница престижного венского колледжа собирает своих овечек в школьной форме и пересчитывает, чтобы проверить, все ли на месте. Она привела детей на выставку, несмотря на то что тут обнаженные тела. Это не важно, тела – произведения искусства. Для японцев главное, что им не разрешили фотографировать, поэтому на выходе они не улыбаются. Впрочем, они довольно скоро утешаются, найдя каталоги с цветными фотографиями по пятьдесят евро. Красивый венский сувенир.

Десять минут спустя в уже опустевшем зале происходит нечто неожиданное. Появляются несколько мужчин с бейджами на отворотах пиджаков. Один приближается к подиуму с девочкой-подростком и громко говорит:

– Аннек.

Ничего не происходит.

– Аннек, – повторяет он.

Дрожь ресниц, поворот шеи, открывается рот, тело содрогается, зарождающаяся грудь колышется дыханием.

– Сама можешь спуститься?

Она кивает, но слегка колеблется. Мужчина протягивает ей руку.

Наконец девочка сходит с подиума, взметая ногой рой лепестков.

Аннек Холлех открыла краник первого из флаконов, подсоединенных к металлическому хромированному душу, и вода сделалась зеленой. Потом она открыла второй краник и растерлась красной водой. Потом встала под синий и фиолетовый водопад. Каждая жидкость удаляла только один из четырех въевшихся в ее тело составов: красок, масел, лаков для волос, духов. Флаконы были пронумерованы и окрашивали воду в разные цвета, чтобы она не запуталась. Первыми под дробь капель с нее сошли краска и лаки. Труднее всего было смыть запах влажной земли. Кабинка наполнилась паром, и ее тело исчезло за завесой жидкой радуги. В зале еще двадцать кабинок, в каждой растушеванный силуэт. Слышалось гудение душей.

Через десять минут, завернувшись в полотенца, в облаке пара, она босиком прошла в раздевалку, вытерлась, причесалась, смазала все тело увлажняющим, а потом защитным кремом, помогая себе губкой на длинной ручке, чтобы достать до спины, и спрятала безбровое лицо под двумя слоями косметики. Потом открыла свой шкафчик, сняла с вешалки одежду. Всё – совсем новое, недавно купленное в магазинах Юденгассе, Кольмаркта, в Хаас-Хаус и на роскошной улице

Кертнер. Ей нравилось покупать одежду и аксессуары в городах, где она выставлялась. Кроме этого, за семь недель в Вене она купила фарфор и стекло фабрики «Аугартен», конфеты «Демель» для матери и небольшие украшения для своей подруги Эммы ван Снелль, которая тоже была картиной, но выставлялась в Амстердаме.

В ту среду, 21 июня 2006 года, Аннек пришла в музей в розовой блузке, жилете-милитари и просторных брюках со множеством карманов. Она достала все эти вещи из шкафчика и оделась. Нижнее белье она не носила – это не рекомендуется, если ты должен выставляться полностью нагим (остаются следы). Она сунула ноги в мягкие туфли в форме двух медвежат, застегнула черный браслет часов с узким циферблатом и взяла сумку.

На соседнем кресле в зале маркировки сидела Салли, картина с подиума номер восемь. На ней была малиновая блузка без рукавов и джинсы. Они поздоровались, и Салли сказала:

– Хоффманн считает, что с меня сходит пурпур, а это равнозначно потере оттенков желтого на картине Ван Гога. Он хочет попробовать более насыщенный цвет, но в отделе ухода считают, что это может испортить мне кожу. Как тебе, а? Всегда один и тот же спор: одни хотят творить из тебя картину, другие тебя оберегают.

– Так и есть, – согласилась Аннек.

Подошел служащий с двумя коробками этикеток. Салли открыла свою коробку и взяла этикетку.

– Как я мечтаю о кровати! – призналась она. – Не думаю, что быстро засну, но я бы лежала, глядела в потолок и наслаждалась тем, что лежу. А ты?

– Мне сначала надо позвонить матери. Я ей каждую неделю звоню.

– Где она сейчас? Она же много ездит, да?

– Да. На Борнео, фотографирует обезьян. – Аннек нацепила одну из этикеток на шею и защелкнула застежку. – Иногда присылает мне по мейлу фото обезьяньей парочки.

– Что, серьезно?

– Серьезно. Не знаю, может, пытается намекнуть, что мне пора замуж.

Салли сдержанно фыркнула, обнажив замечательные белые зубы.

– По крайней мере тебе она хоть что-то присылает. Мой нью-йоркский папа не может мне отсканить даже фото парочки хот-догов. Ему никогда не нравилось, что его дочь стала ценной картиной.

Молчание. Аннек застегнула последнюю этикетку на щиколотке. На ее шее, на правом запястье и на правой щиколотке красовались три ярко-желтых картонных прямоугольника восемь на четыре сантиметра на черных шнурах. Салли тоже прицепила свои. В зеркале они видели, как уходят первые картины: Лаура, Кейси, Давид, Эстефания, Селия. Парад атлетических фигур с бирками.

– У меня опять пропали месячные, – равнодушно замети-

ла Аннек. – То появляются, то пропадают, еще с Гамбурга.

Салли посмотрела на нее:

– Это не страшно, у нас у всех так. Лена говорит, что ее менструации похожи на зонтик: находятся и теряются, снова находятся и снова теряются. Еще одно следствие того, что ты картина, ты же знаешь.

– Да, знаю, – согласилась Аннек, не сводя глаз с зеркала, и заключила: – Да мне и лучше без них.

– Слушай, ты что-нибудь планируешь на следующий понедельник?

Вопрос ее заинтриговал. На день закрытия музея она никогда не планировала ничего, кроме обычной беготни по магазинам с безлимитной кредитной карточкой. Все остальное – одинокие прогулки по Хофбургу, Шонбрунну, Бельведеру (на самом деле не такие уж и одинокие, потому что с ней были телохранители), посещение Музея истории искусства или собора Святого Стефана, даже балеты и спектакли июньского Венского фестиваля – все это наводило на нее скуку и пресыщало до тошноты. Аннек спрашивала себя, что делать такой картине, как она, в этом городе, где повсюду искусство. Ей очень хотелось продолжить турне за пределами Европы. Фонд обещал, что на следующий, 2007 год они поедут в Америку и в Австралию. Может, там найдутся настоящие развлечения.

– Ничего, – ответила она. – А что?

– Мы с Лаурой и Леной собрались на целый день в Пратер.

Пойдешь с нами?

– Ладно.

Внезапно она почувствовала, как ее заливает теплая волна благодарности к Салли. Четырнадцатилетняя Аннек Холлех была самой юной картиной выставки (Салли, к примеру, на десять лет старше). Когда наступал выходной день, все остальные картины расходились каждая по своим делам. Никому до нее не было дела. Для любой девочки, кроме Аннек, привыкшей к одиночеству и тишине музеев, галерей и частных домов, это давно стало бы невыносимым. Предложение Салли растрогало ее, но заметить это было бы очень сложно, так как ее лицо выражало только эмоции, заложенные художником.

– Спасибо, – просто сказала она, остановив на Салли си-не-зеленый взгляд.

– Не стоит благодарности, – ответила та. – Я это делаю, потому что мне хочется побыть с тобой.

И эта любезная фраза снова растрогала Аннек.

Они спускались в лифте. Две Аннек с прямыми светлыми волосами, с двумя желтыми этикетками на шее отражались в темных стеклах очков Диаса. Оскар Диас был дежурным телохранителем, сопровождавшим ее в гостиницу. Для Аннек у него всегда была наготове учтивая улыбка и банальная вежливая фраза. Однако в эту среду он был необычайно лаконичен. Ей хотелось поговорить с ним – после беседы с

Салли на душе у нее было очень легко, но Аннек вспомнила, что картинам не рекомендуется говорить с охранниками, и предпочла не обращать внимания на молчание Диаса. Ей и так есть о чем подумать.

Уже два года она была «Падением цветов», одним из шедевров Бруно ван Тисха, и понятия не имела, сколько времени осталось до того, как художник решит ее заменить. Месяц? Четыре? Двенадцать? Двадцать? Все зависит от того, насколько быстро будет взростеть ее тело. По ночам, лежа нагишом в широкой гостиничной кровати, она долго водила пальцем по краю этикеток, привязанных к ее шее или к запястью, касалась рукой вытатуированной на левой щиколотке подписи (буквы «БвТ» цвета индиго) и молча молила далекого Бога искусства и жизни, чтобы ее тело застыло, пожалуйста, чтобы исподволь не менялось, чтобы не налилась грудь, не поднялись, как глина на гончарном кругу, бедра, чтобы расписывающим ее ноги рукам не приходилось день ото дня вести все более длинную и крутую кривую.

Она хотела навсегда остаться «Падением цветов».

Стать шедевром стоило ей шести лет усилий. Она была всем обязана своей матери, которая открыла в ней задатки полотна и привела в Фонд, когда ей было всего восемь. Ее отец, конечно, воспротивился бы, но он никак не мог повлиять на события, потому что уже не жил с ними: брак распался почти пять лет назад, и Аннек его почти не помнила. Знала лишь, что он был алкоголиком, человеком грубым

и неуравновешенным, старомодным художником по тканым холстам, который упорно желал зарабатывать на жизнь своим ремеслом и никак не хотел признать, что неживые полотна уже вышли из моды. С тех пор как родительские права перешли к матери Аннек – и особенно с тех пор, как Аннек начала учиться в Амстердаме, чтобы стать профессиональным полотном, – этот чужой раздражительный мужчина беспокоил их постоянно, за исключением частых периодов его пребывания в больницах и тюрьмах. В 2001 году, когда Аннек выставлялась в амстердамском музее Стеделейк в картине «Близость» – первой работе, которую написал ею ван Тисх, – ее отец вдруг явился в зал. Аннек узнала искаженные ужасом черты лица и покрасневшие глаза, разглядывавшие ее с расстояния десяти шагов, рядом с оградительным шнуром, и поняла, что произойдет, за мгновение до того, как все началось. «Это моя дочь! – кричал мужчина вне себя. – Она нагишом выставляется в музее, а ей только девять лет!» Понадобилось вмешательство группы охраны в полном составе. Разразился скандал, за ним последовал очень короткий суд, и ее отец снова оказался в тюрьме. Аннек не хотела вспоминать об этом неприятном эпизоде.

Кроме «Близости», мэтр написал ею еще две картины: «Признания» и «Падение цветов». Последнюю из них, созданную в 2004 году, считали одним из величайших произведений Бруно ван Тисха; часть специализированной критики осмеливалась даже называть ее одной из важнейших кар-

тин всех времен. Теперь имя Аннек было вписано золотыми буквами в историю искусства, и мать очень ею гордилась. Она часто говаривала: «Все это еще пустяки. У тебя впереди вся жизнь, Аннек». Но Аннек терпеть не могла слова «впереди вся жизнь», она не хотела расти, ее тревожила возможность лишиться «Падения цветов», возможность того, что в этой картине ее сменит другая девочка.

Месячные ворвались в жизнь, как красное пятно на чистый холст, как знак опасности. «Осторожно, Аннек, ты растешь, Аннек, скоро ты будешь слишком взрослой для этой картины», – предупреждал ее этот знак. Уж конечно, она рада была избавиться от месячных, хотя бы только на время! Она молилась Богу искусства (Бог жизни ее ненавидел), но Богом искусства был Мэтр, который в один прекрасный день просто скажет ей: «Мы должны заменить тебя, чтобы картина продолжила свое существование».

Она попыталась изгнать тоскливые мысли из головы. Бесполезно: мысли никуда не желали уходить.

В гараже было темно, там царило колдовское эхо моторов. В ту ночь дежурил турок-иммигрант по имени Измаил. Он помахал Диасу рукой. От улыбки кончики его черных усов поднялись кверху. Диас поприветствовал его, открывая заднюю дверцу фургона. Измаил видел, как Аннек изогнулась, влезая в машину, как охристая тень внутри постепенно заштриховала ее фигуру: спину, очертания бедер, ягодицы, длинные ноги, одну мягкую туфлю, другую. Дверь

закрылась, фургон тронулся с места, развернулся, чтобы выехать из гаража, и удалился. Отель «Вена-Марриотт» находился на Рингштрассе, в нескольких кварталах от художественного комплекса Музеумсквартир, и дорога была короткой и безопасной, поэтому у Измаила не было никаких оснований предполагать, что может произойти что-то плохое или даже просто необычное.

Он не догадывался, что видит Аннек Холлех в живых последний раз.

Шаг первый

Цвета палитры

Белый, красный, синий, фиолетовый, телесный, зеленый, желтый и черный – вот основные цвета палитры в живописи по человеческому телу.

Бруно ван Тисх. Трактат о гипердраматической живописи

Ах как бы мне хотелось попасть в Зазеркалье!²
Льюис Кэрролл

Когда какая-то женщина в сопровождении Гертруды спустилась на нее посмотреть, Клара уже больше двух часов была окрашена в титановые белила. Краешком глаза она различила черные очки, шляпку с цветами и костюм жемчужного цвета. С виду – важная клиентка. Она говорила с Гертрудой и одновременно взглядом оценивала Клару.

– Ты знаешь, что мы с Рони два года назад купили картину Бассана? – Сильный аргентинский акцент. – «Девушка, держащая солнце», вот как она называлась. Рони нравилось, как блестят плечи и живот. Но я сказала: «Рони, ради бога, у нас так много картин, куда мы поставим эту?» А Рони говорил: «Не так уж их и много. У вас полный дом старого хлама,

² Льюис Кэрролл. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. Здесь и далее цитируется в перев. Н. Демуровой.

и я не жалуясь». – Смех. – Так вот, знаете, что мы в конце концов сделали с картинкой? Подарили ее Анн.

– Очень хорошо.

Женщина, наклоняясь, сняла очки.

– Где здесь подпись?.. А, на бедре... Красиво... Так о чем это я?..

– О том, что вы подарили картину Анн.

– Ах да. Им она очень понравилась, ну, Анн и Луису, ты же их знаешь. Анн хотела узнать, дорога ли аренда. Я ей говорю: «Не беспокойтесь, платим мы. Это вам подарок». Потом я спросила у картины, не возражает ли она против переезда в Париж, к моей дочке. Она сказала, что нет.

– Купленная картина не должна возражать против переездов за своим хозяином, – отрезала Гертруда.

– Мне нравится обращаться с картинками осторожно... Эта, конечно, очень красива. – «Р» вибрировало у нее во рту, как короткое замыкание. – Как, ты говорила, она называется?..

– «Девушка перед зеркалом».

– Красиво, очень красиво... С твоего позволения, Гертруда, я возьму каталог.

– И не один.

Они ушли. Клара осталась неподвижной. «Красиво, красиво, очень красиво, но покупать ты меня не собираешься. Это и за километр видно». Она знала, что, когда находишься в полном «покое», не следует отвлекаться, но ничего не

могла поделаться. Ее беспокоило, что ее никто не покупает.

Чего не хватало «Девушке перед зеркалом»? Она не знала. Картина не была ничем сверхъестественным, но ее покупали и в гораздо худших картинах. Она была полностью обнажена и стояла, прикрыв лобок правой рукой, левую отведя в сторону, слегка раздвинув ноги, сверху донизу окрашенная в различные оттенки белого. Волосы представляли собой сбившуюся массу глубоких белых тонов, а на теле играли блестящие и глянцевые оттенки. Перед ней вздымалось врезанное в пол прямоугольное зеркало без рамы высотой почти два метра. И все. Стоимость: две тысячи пятьсот евро и триста евро месячного содержания – цена, доступная для любого посредственного коллекционера. Алекс Бассан заверил, что ее быстро продадут, но она выставялась в галерее «ГС» на мадридской улице Веласкеса уже почти месяц, и никто еще не сделал серьезного предложения. Была среда, 21 июня 2006 года, и договор между художником и «ГС» истекал через неделю. Если к тому времени ничего не произойдет, Бассан ее заберет, и Кларе придется ждать, пока какой-то другой художник не захочет написать ею оригинал. Но пока это произойдет, где ей взять деньги?

В естественном виде, без краски, Клара Рейес была платиновой блондинкой с вьющимися волосами до плеч, голубыми глазами, невинно-порочным выражением лица и изящным, обманчиво хрупким телом, отличавшимся удивительной физической выносливостью. Чтобы поддерживать себя

в форме, ей нужны были деньги. Она купила мансарду с белыми стенами на улице Августо Фигероа и оборудовала в гостиной маленький спортзал с тренировочным ковриком, зеркалами по стенам и тренажерами. В дни, когда галереи были закрыты и ей не нужно было позировать в картинах, она занималась плаванием. Клара ела диетические продукты и контролировала фигуру электронными датчиками веса. Ежедневно пользовалась тремя различными кремами для поддержания требуемой мягкости и упругости кожи. Удалила две небольшие бородавки и шрам на левом колене. Месячные пропали как по мановению волшебной палочки благодаря точно рассчитанному приему медикаментов, а физиологические потребности она контролировала с помощью таблеток. Сделала полную перманентную депиляцию, включая брови, остались только волосы на голове. По желанию художника брови и волосы на лобке легко изобразить, но они долго отрастают. Все это были не капризы, а ее работа. На то, чтобы быть картиной, уходит много денег, а много денег можно заработать, только будучи картиной. Любопытный парадокс, который заставлял ее думать, что ван Тисх, величайший из великих, был прав, утверждая, что искусство – это всего лишь деньги.

В конце концов, в этом году дела у нее шли неплохо. На Рождество одна предпринимательница из Каталонии купила ее в картине «Клубника» Вики Льедо, но дело в том, что у Вики очень верная клиентура, и она хорошо сбывала все

свои работы. В этой картине Клара была в паре с Йоли Ри-бо: обе сидели на постаменте, окрашенные в телесные тона, сплетаясь руками и ногами и держа зубами пластмассовую клубнику красного хинакридона. Поза была простой, хотя им ежедневно приходилось пользоваться аэрозолем для уменьшения слюновыделения («Представь себе картину, исходящую слюной, – сказала Вики. – Как неэстетично»). Но если привыкнешь, держать во рту пластмассовую клубнику шесть часов в день – самое простое дело на свете. А благодаря гипердраматизму взаимодействие с Йоли было идеальным: одна на двоих клубника, одно дыхание, взгляд и прикосновение, как у настоящих любовниц. Вики подписала их на дельтовидных мышцах: «В» и горизонтальное «Л» красного цвета. Месяц они простояли в доме предпринимательницы, а потом их заменили. И снова – на поиски работы. В марте она заменила одну француженку в наружной картине португальского художника Гэмайю в Марбелье, а в апреле дублировала Кэти Кабильдос в «Жидком элементе II» работы Жауме Оресте, еще одной наружной картине в Ла-Моралехе, но, если ты не оригинал, платят тебе немного.

Наконец в мае – чудесная новость. Ей позвонил Алекс Бассан. Он хотел написать ею оригинал. «Алекс, как же ты кстати», – подумала она. Художник он был не методичный, но его картины продавались. Много лет назад он написал с Кларой два оригинала, и она привыкла к его манере работы. Клара тут же приняла предложение.

В начале мая она приехала в Барселону и устроилась в двухэтажной квартире рядом с проспектом Диагональ, где жил и работал Бассан. Клара спала на одной из трех раскладных кроватей, которые были в мастерской. Две другие занимали девочка-румынка (или болгарка?) одиннадцати-двенадцати лет, которую Бассан в свободное время использовал для эскизов, и другой эскиз по имени Габриэль, которого художник прозвал Несчастьем, потому что в первый раз он использовал его в картине с таким названием. Несчастье был худой и тихий. На верхнем этаже жили Бассан с женой. Пока Клара работала, девочка как привидение бродила по мастерской с японской электронной куклой, которую нужно было кормить, растить и воспитывать посредством кнопочек. Это единственный предмет, который Клара видела у нее в течение двух недель, проведенных в доме Бассана: казалось, девочка прибыла без вещей и без одежды. Что касается Несчастья, он только и делал, что приходил и уходил. Говорил при этом, что работает с несколькими барселонскими художниками одновременно.

До приезда Клары Бассан сделал подготовительные наброски. Он воспользовался американским эскизом по имени Кэрри. Потом показал Кларе фотографии: Кэрри стоя, Кэрри на носочках, Кэрри на коленях – все время перед стоящим на разном расстоянии зеркалом. Результатами он был недоволен. В первые дни он использовал Клару без зеркала. Расписал ее эскизными аэрозолями в белый и черный цвета

и при простом освещении подверг осмотру на темном фоне. Добавил фиксаторов для волос и на несколько часов оставил ее стоять на одной ноге.

– Алекс, ну что ты ищешь? – выпытывала она.

Бассан был мужчиной огромным, кряжистым, похожим на дровосека. Из-за отворотов его халата проглядывал волосатый торс. Писал он так же, как говорил: порывисто. Иногда, когда он очерчивал нежное место, его толстые пальцы царапали Кларину кожу.

– Что я ищу, значит? Ну и вопросик, Клара, детка. А я, блин, откуда знаю? У меня есть зеркало. Есть ты. Я хочу сделать что-то простое, естественное, в основных цветах, может, в белой гамме с резкими глянцевыми оттенками. И я хочу выражение... Не знаю... Хочу, чтоб ты была искренней, открытой, без заслонов... Искренность – вот это слово. Научиться познавать себя, пройти сквозь зеркало, увидеть, как живетя в зазеркалье...

Клара ни слова не понимала, но так у нее было со всеми художниками. Это ее не беспокоило: она картина, а не художественный критик; ее работа в том, чтобы позволить художнику выразить с ее помощью свои идеи, а не в том, чтобы его понять. Кроме того, она слепо верила Бассану. С Бассаном все было неожиданно: решение находилось внезапно, молниеносно, и, когда это происходило, оно затрагивало всю твою душу.

Однажды в середине второй недели Бассан уложил зерка-

ло на пол, велел Кларе присесть на него голышом и рассматривать себя. Прошло несколько часов. Сидя на корточках на зеркале, Клара глядела на запотевшие круги.

– Тебе нравится себя разглядывать? – спросил вдруг художник.

– Да.

– Почему?

– Мне кажется, я привлекательна.

– Расскажи, что крутится у тебя в голове. Ну же, не думая!

Говори все подряд.

– Пупок, – произнесла Клара.

– Просто пупок?

– Не просто пупок. *Мой* пупок.

– Ты думала о пупке?

– Ага. В данный момент – да. Просто я на него смотрю.

– И что ты думала о своем пупке? Что он красивый? Противный?

– Думала, как же это невероятно. Ну, иметь дыру в животе. Разве это не странно?

Бассан замер на месте (так он размышлял) и тут же хлопнул себя по бокам (так он делал, когда что-то находил).

– Пупок, пупок... Дыра... Начало мира и жизни... Нашел. Встань. Правой рукой ты прикроешь лобок, но указательный палец будет слегка поднят. Ну-ка... Так... Нет, еще чуть-чуть... Вот так... Он незаметно указывает на твой пупок...

В итоге картина получилась очень простая. Бассан поста-

вил ее: руки и ноги слегка разведены, правая рука на лобке, указательный палец приподнят чуть меньше, чем он планировал вначале. Подготовил смесь цинковых белил и покрыл ею всю Клару, включая «естественные пятна» (линии лица, ареолы, соски, пупок, половые органы и впадину между ягодиц). Использовал свинцовые белила для самых светлых мест, а потом прошелся по ней мазками титановых. Затем зафиксировал ей волосы, смешав их в однородную белую массу так, что она приклеилась к голове. Поверх раскрашенного лица круглой куньей кистью неаполитанской коричневой, сильно высветленной белилами, он нарисовал простые черты: брови, ресницы, губы. На полу напротив Клары установил зеркало в полный рост и навел на нее сверху две параллельные направляющие с тремя галогенными прожекторами на каждой. Масло на ее теле искрилось под мощными лампами. 22 мая он вытатуировал на ее левом бедре свою подпись: большую «Б» и две маленькие «с». «Бсс». Похоже на тихий свист, думала она, на жужжание осы.

– Думаю, будет лучше попробовать в Мадриде, – заявил Бассан. – Я получил интересное предложение от «ГС».

Каталог подготовил сам Бассан. Каталоги выставок важнее, чем сами работы, говаривал он. «В наше время художники творят не картины, а каталоги», – приходилось ему сетовать. Когда в конце мая вышла первая типографская проба, один каталог он отправил Кларе по почте. Получилось очень красиво: большая атласная белая открытка с фотографией

расписанного Кларинога лица. В середине золотыми буквами: «Художник Алекс Бассан и галерея „ГС“ имеют честь...» Бассан изысканно охарактеризовал его одной из своих импульсивных фраз: «Похож на приглашение на первое причастие эльфа». Открытие прошло в четверг, 1 июня 2006 года, в мадридской галерее «ГС», в восемь вечера – ничем не примечательное событие. Гертруда взяла на себя половину расходов на выпивку. Люди напивались в холле, а потом спускались в подвал взглянуть на Клару, стоявшую в центре крохотной комнатки. Перед ней возвышалось зеркало без рамы и без подставки, будто по волшебству образовывая идеальную вертикаль. За ее спиной на белой стене красовалась табличка: «Алекс Бассан. „Девушка перед зеркалом“. Масло, девушка двадцати четырех лет, высокое зеркало, прожектор. 195×35×88 см». Под табличкой – полочка с каталогами. Не было ни подиума, ни оградительных шнуров: она стояла на чистом белом полу, сверкавшем, как само зеркало и как сама Клара. Комнатка была очень мала, и, когда она заполнилась людьми, Клара начала бояться, что кто-нибудь наступит ей на ногу. В углу на стене висел белый огнетушитель. «По крайней мере, если начнется пожар, я не сгорю», – подумала она.

Слышались похвалы знатоков. И кое-какие замечания. Конечно, эти замечания относились не к ней, а к картине. Однако разглядывали ее: ее ноги, ее ягодицы, ее грудь, ее неподвижное лицо. И разглядывали зеркало. Было и исклю-

чение. В один прекрасный момент она краем глаза заметила, как кто-то наклонился к ее левому уху, и услышала непристойность. К этому она уже привыкла и даже не моргнула. На выставки гипердраматического искусства часто затесывался какой-нибудь ненормальный, которого интересовала не картина, а нагая женщина. Судя по запаху, этот тип был пьян. Прошло некоторое время, а пьяный все стоял рядом, глаза на нее. Клара боялась, что он попытается к ней прикоснуться, – ведь охранников нигде не было. Но мужчина скоро ушел. Если бы он попытался что-то предпринять, ей бы пришлось выйти из состояния «покоя», чтобы сделать ему устное предупреждение. Если, несмотря на это, тип не отстал бы, она запросто могла бы вмазать ему коленом по тестикулам. Перестать быть картиной, чтобы защититься от назойливого зрителя, – это ей уже доводилось. ГД-искусство вызывало бурю темных страстей, и, если женщины-картины выставлялись без охраны, они быстро усваивали урок.

«Девушку перед зеркалом» легко можно было поставить в любую просторную гостиную. Полученных ею процентов от продажи и арендной платы вместе с деньгами за работу с художником хватило бы до конца лета.

Но ее не покупали.

– Клара.

Услышав на лестнице голос Гертруды, она вдохнула.

– Клара, уже полвторого. Я закрываю.

Чтобы выйти из «покоя» в мир живых предметов, требовалось определенное усилие. Клара пошевелила челюстью, сглотнула слюну, заморгала (на сетчатке глаз остались отпечатки двух камей ее лица, вырезанных светом и временем), вытянула руки, потопала ногами. Одна нога затекла. Она помассировала себе шею. Масло стягивало кожу.

– С тобой хотят поговорить два господина, – добавила Гертруда. – Они в моем кабинете.

Клара прервала разминку и взглянула на хозяйку галереи. Гертруда стояла у подножия лестницы. Ее лицо с зелеными глазами и карминовыми губами, как обычно, ничего не выражало. Это была зрелая, очень высокая женщина-альбинос, белизной соперничавшая с Монбланом; ее альбинизм был настолько ярким, что она чуть не сияла. Бросить ее на снег – и она превратится в пару миндалевидных изумрудов и рот из помады. Ей нравилось носить белые туники, а говорила она так, будто допрашивала военнопленного под пытками. «Я немка, но живу в Мадриде уже несколько лет», – пояснила она при знакомстве. «Мадрид» она выговаривала как робот из дешевых сериалов. «ГС» – аббревиатура моего имени и фамилии». И она назвала ей свою фамилию, но Клара никогда не могла ее вспомнить. «Очень приятно», – отозвалась Клара и в ответ получила улыбку. Бассан утверждал, что Гертруда умело управляет галереей и что у нее отборная клиентура из коллекционеров гипердраматического искусства. Сама убедиться в этом Клара не смогла. Зато смог-

ла заметить, что Гертруда нелюдима и презрительно относится к картинам. Может, с художниками она была полюбознее. Кроме того, она была маниакальной чистюлей. Не позволяла Кларе использовать ванную комнату ни для нанесения краски, ни для мытья после работы. Она говорила, что хочет видеть краску на коже картин и больше нигде. В первый день она показала Кларе маленький чулан в глубине галереи и сказала, что там есть все условия для картин. Каждый день Клара входила в этот свинарник, надевала пористую сетку и красящий колпак, пропитанные подготовленными Бассаном цветами, а потом выходила нагишом, сверкая белыми красками, спускалась по лестнице и принимала выбранные художником позу и выражение лица. Когда галерея закрывалась, ей приходилось идти домой, пряча под спортивным костюмом окрашенное тело и прикрывая белые волосы смехотворным беретом; она могла снять краску только с лица. Не очень приятно вести машину, когда твоя кожа отвердела от масляной краски.

– Два господина? – Она откашлялась, чтобы прочистить горло. – А чего они хотят?

– А мне откуда знать? Они в моем кабинете, ждут.

– Но они спускались смотреть на картину? – Клара часто не замечала, сколько у нее было посетителей.

– Сегодня – точно нет. Они спрашивают Клару Рейес. Ни о какой картине они мне не говорили.

Пока Клара раздумывала, Гертруда прибавила:

– Полагаю, ты не пойдешь к ним в таком виде. Можешь надеть какой-нибудь халат из чулана. Но ни к чему не прикасайся. Мне в кабинете не нужны пятна от краски.

Двое мужчин ждали ее стоя, разглядывая буклеты из атласной бумаги. Это были каталоги других работ, где использовали Клару. Она узнала «Ласки» Вики, «Горизонталь III» Гутьерреса Регеро и «А тем временем волк умирает от голода» Жоржа Шальбу. На иллюстрациях было ее обнаженное или почти обнаженное тело, расписанное разными цветами. Были там и каталоги «Девушки перед зеркалом». Один из мужчин показывал другому каталоги, а потом швырял их на стол, будто пересчитывал. На них были дорогие костюмы, и скорее всего, это были иностранцы. Когда она поняла это, сердце забилось быстрее: если эти люди приехали к ней издалека, возможно, это значило, что она по-настоящему заинтересовала их. «Ну, успокойся, ты же еще не знаешь, что тебе предложат».

Ей придвинули стул. Когда Клара присела, полы халата раскрылись подобно лепесткам, приоткрыв до середины бедра окрашенную титановыми и свинцовыми белилами ногу. Она скрестила руки на груди и приняла позу хорошей девочки.

– Итак? – спросила она.

Мужчины не садились. Заговорил только один из них. Его испанский пестрел ошибками, но понять было можно. Клара

не смогла разобрать, с каким именно акцентом он говорил.

– Вы – Клара Рейес?

– Ага.

Мужчина вытащил что-то из чемодана – резюме, которое Клара отправляла важнейшим художникам Европы и Америки. Сердцебиение усилилось.

– Двадцать четыре года, – вслух прочел мужчина, – рост сто семьдесят пять сантиметров, объем груди – восемьдесят пять, объем талии – пятьдесят пять, объем бедер – восемьдесят восемь, натуральная блондинка, глаза небесно-голубого цвета с зеленоватым оттенком, депилирована, без пятен, упруга и мягка, четырежды загрунтована... Верно?

– Верно.

Мужчина читал дальше:

– Изучала ГД-искусство и технику работы полотна в Барселоне у Квинета и подростковое искусство во Франкфурте у Ведекинда. И еще во Флоренции у Ферручолли, так?

– Ну, у Ферручолли я училась только неделю.

Ей не хотелось ничего скрывать, потому что потом начались провокационные вопросы.

– Вами писали испанские и иностранные мастера. Наверное, вы говорите по-английски?

– Ага. В совершенстве.

– Вы работали в наружных и внутренних картинах. Что вы делаете лучше?

– Одинаково. Я могу быть внутренней и наружной карти-

ной, сезонной и даже постоянной – конечно, в зависимости от костюма и времени года. Хотя я могу выставляться в постоянной наружной картине и обнаженной, с соответствующей защи...

– Мы видели ваши предыдущие работы, – перебил ее мужчина. – Нам понравилось.

– Большое спасибо. А «Девушку перед зеркалом» вы не спускались посмотреть? Это замечательная картина Бассана, правда я это говорю не потому, что в ней я, а...

– Вы также участвовали в подвижных картинах обоих типов: в перформансах и во встречах, – снова перебил ее мужчина. – Они были интерактивными?

– Ага. В некоторых случаях – да.

– В какой-нибудь из них вас купили?

– Почти во всех.

– Хорошо. – Мужчина улыбнулся и посмотрел на бумаги, будто причина его улыбки крылась в них. – Это резюме, предназначенное для рекламы. Теперь я хочу услышать полный вариант.

– О чем вы?

– О всей вашей профессиональной деятельности, о той, которую нельзя упоминать в брошюрах. Например, вы когда-нибудь были украшением, живым предметом, домашней утварью?

– Я никогда не занималась утилитарным искусством, – ответила Клара.

Это была правда, хотя она не знала, поверил ли ей мужчина. Но фраза показалась ей немного заносчивой, поэтому она пояснила:

– В Испании еще не прижилась привычка покупать живые украшения.

– Арт-шоки?

Сразу Клара не ответила. Она выпрямилась на стуле (шуршание масляной краски на расписанных ягодицах) и решила держать ухо востро.

– Простите, чем вызван этот вопрос?

– Мы хотим знать, на какой уровень требований можем с вами рассчитывать, – спокойно ответил мужчина.

– Предупреждаю, я не хотела бы делать ничего противозаконного.

Она ожидала реакции, но реакции не последовало. Тогда Клара поспешно добавила:

– Ну, возможно, я и согласилась бы. Но я хочу знать, что вы будете делать, где и кто тот художник, который ко мне обращается.

– Пожалуйста, ответьте на вопрос.

Она подумала, что, если сказать правду, ничего дурного не случится. Так или иначе, она совершеннолетняя, а два арт-шока, в которых ее купили в этом году, были не слишком крутыми и выставлялись только в частных помещениях перед взрослыми зрителями. Однако правда и то, что в обоих арт-шоках попадались сцены, которые, пожалуй, перехо-

дили границу дозволенного. Например, в «625 + 50 линий» Адольфо Бермехо одно из мужских полотен обезглавливало живого кота и проливало его кровь на спину Кларе. Преступление это? Она не уверена, но вопрос был общим, а значит, и ответить на него можно было в общем.

– Да, я участвовала в арт-шоках.

– Грязных?

– Нет, никогда, – твердо заявила она.

– Но, если я не ошибаюсь, вы работали с Джильберто Brentano.

– В прошлом году я сделала с Brentano два или три арт-шока, но ни один из них не был грязным.

– Вы входили в какую-нибудь организацию, поставляющую молодой материал для произведений искусства?

– Несколько месяцев я работала в британской «Зе Сёркл».

– В каком возрасте?

– В шестнадцать лет.

– Что вы там делали?

– То же, что и всегда. Мне покрасили волосы в рыжий цвет, нацепили кольца, и я участвовала в настенных росписях типа «Рыжая дорога».

– Это был ваш первый опыт в сфере искусства?

– Ага.

– Насколько я понимаю, – произнес мужчина, – вам нравится жесткое, рискованное искусство. Вы не выглядите жесткой и рискованной. Скорее кажется мягкой.

Непонятно почему, но Кларе нравилась презрительная холодность этого типа. Улыбка растянула масло на ее лице.

– Я и вправду мягкая. Жесткой я становлюсь, когда меня расписывают.

Мужчина не подал виду, что счел ее слова шуткой. Он продолжил:

– Мы приехали предложить вам нечто жесткое и рискованное, самое жесткое и рискованное из того, что вы делали за свою бытность полотном, самое важное и сложное. Хотелось бы убедиться, что вы подойдете.

Во рту у Клары вдруг стало так же сухо, как и под слоем краски у нее под халатом. Сердце сильно колотилось. Эти слова возбудили ее. Клара любила крайности, темноту за последней гранью. Если ей говорили: «Не ходи», ее тело двигалось и шло ради простого удовольствия послушаться приказа. Если что-то внушало ей страх, она могла постараться держаться от этого подальше, но никогда не теряла из виду. Она не выносила указаний заурядных художников, но, если вызывавший у нее восхищение мэтр просил сделать невозможное, ей нравилось слепо повиноваться, что бы это ни было. И особых границ у этого «что бы это ни было» не было. Ей жутко хотелось узнать, до какой грани она позволила бы себе дойти, если бы идеальная ситуация стала напряженной. Ей казалось, что до потолка – или до дна – ее возможностей еще очень далеко.

– Интересно, – произнесла она.

Помолчав немного, мужчина добавил:

– Конечно, вам придется оставить все на довольно долгое время.

– Я могу все оставить, если предложение того стоит.

– Предложение того *стоит*.

– И мне следует в это поверить?

– Ни мы, ни вы не хотим торопиться, не так ли? – Мужчина поднес руку к пиджаку. Черный кожаный бумажник. Бирюзовая визитка. – Позвоните по этому номеру. Сроку у вас до вечера четверга, до завтра.

Прежде чем опустить визитку в карман халата, Клара взглянула на нее: только номер телефона. Похоже, сотового.

Кабинет Гертруды находился в маленькой белой комнате без окон. Однако Кларе показалось, что на улице пошел дождь. Слышна была приглушенная художественная имитация дождя. Оба мужчины смотрели на нее, не сводя глаз, будто ожидая, что она что-то скажет. Она ответила:

– Мне не нравится принимать предложения, о которых я толком ничего не знаю.

– Вы и не должны ничего знать: вы – картина. Всё знают лишь художники.

– Тогда скажите мне, кто художник, который хочет писать со мной картину.

– Вам нельзя этого знать.

Она молча проглотила это явное проявление неуважения. Клара знала: этот тип говорил правду. Великие мастера ни-

когда не открывали себя полотну до начала работы: таким образом они хранили тайну замысла.

Дверь отворилась, и появилась Гертруда:

– Простите, но я иду обедать, и мне нужно закрыть галерею.

– Не беспокойтесь, мы уже закончили. – Мужчины собрали каталоги и молча ушли.

Во время вечернего сеанса грудь картины вздымалась от дыхания. От волнения пребывать в состоянии «покоя» было невероятно трудно. Однако мечты помогали ей хранить неподвижность, потому что в грезах мы способны двигаться и оставаться на месте. Время шло, никто не спускался смотреть на Клару, но ей было все равно, потому что с ней были ее фантазии.

«Самое жесткое и рискованное. Самое важное и сложное».

Самым заветным ее желанием было стать полотном гения. На ум приходило несколько имен, но она не осмеливалась думать о них. Не хотелось питать слишком много иллюзий и потом разочароваться. Она стояла в молчаливой белизне, пока Гертруда не сказала, что пора закрывать.

На улице действительно шел дождь: мощный летний ливень, который обещали по телевизору. При других обстоятельствах она бегом бросилась бы к стоянке, но сейчас предпочла медленно пройти под низвергавшимся с неба потоком с сумкой на плече. Она чувствовала, что спортивный ко-

стюм облепляет ее, как мокрая простыня, а с берега на голове струится вода, но ощущение не было неприятным. Более того – ей хотелось окунуться в бриллианты ледяной воды.

«Самое жесткое и рискованное. Самое важное и сложное».

А если это ловушка? Иногда такое бывало. Тебя наняли, назвавшись представителями великого мэтра, вывозили из страны и заставляли участвовать в грязном искусстве. Нет, вряд ли. Кроме того, если бы даже так – она бы рискнула. Быть произведением искусства – значит идти на любой риск, на любую жертву. Разочарование пугало Клару больше, чем опасность. Она была согласна на любую ловушку, кроме ловушки посредственности.

«Самое жесткое и рискованное. Самое важное и сложное».

Вдруг ей показалось, будто ее тело – расплавленная свеча. Она подумала, что плавится, сливаясь с дождем. Посмотрела на ноги – и поняла. Она забыла, что все еще окрашена, а вода смывает с нее краску. По улице следом за ней струился неровный белый ручеек, извилистый молочный поток, стекавший с ее спортивного костюма на мостовую Веласкеса, ручей, который дождь тщательно стирал со свирепой точностью художника-пуантилиста. Белый, белый, белый.

Шаг за шагом, омытая водой, Клара темнела.

Красный. Доминировал красный цвет. Красный, как мессиво смятых маков. Мисс Вуд сняла очки, чтобы разглядеть фотографии.

– Мы нашли ее сегодня утром в леске около Винервальда, – пояснил полицейский, – в часе езды от Вены. Нам позвонили два любителя орнитологии, изучавшие крики сов. Ну, на самом деле они позвонили в обычную полицию, а лейтенант-полковник Хаддл позвонил нам. Так всегда бывает.

Пока полицейский говорил, Босх передавал мисс Вуд фотографии. На них была трава, стволы буков и какие-то цветы, на удивление была даже мухоловка, сидевшая на траве рядом с изорванной в клочья розовой блузкой. Но все было красное, даже торчавшая из-за дерева туфля в форме плюшевого мишки. Мордочка мишки улыбалась.

– Эти клочья кругом... – сказала мисс Вуд.

Стол был огромным, и сидящий напротив Вуд полицейский не мог видеть, на что она показывает, но прекрасно знал, о чем речь.

– Это одежда.

– Почему она так изорвана и перепачкана кровью?

– Да, хорошее замечание. Это первое, что нас заинтриговало. Но мы нашли остатки ткани в ранах. Вывод прост: он разрезал ее одетой, а потом сорвал остатки.

– Почему?

Полицейский неопределенно пожал плечами:

– Возможно, изнасилование. Но доказательств мы не нашли, хотя ждем окончательного заключения медэкспертизы. Однако поведение этих типов не всегда следует логичной схеме.

– Ее... ее как будто показывают, правда? Разложена, чтобы ее фотографировали.

– Вы нашли ее именно так? – спросил Босх у полицейского.

– Да, лицом вверх, с раскинутыми руками и ногами.

– Он не снял этикетки, – показал Босх мисс Вуд.

– Да вижу, – откликнулась мисс Вуд. – Этикетки трудно сломать, но приспособление, которым нанесены раны, могло разрезать их, как бумагу. Уже определили, чем он пользовался?

– Что бы это ни было, ясно одно: это дело электроники, – ответил полицейский. – Думаем, хирургический трепан или какая-то автоматическая пила. Каждая рана – глубокий ровный разрез. – Он протянул руку через стол и кончиком карандаша указал на одну из ближайших к нему фотографий. – Всего их десять: два на лице, два на груди, два на животе, по одному на каждом бедре и два на спине. Восемь из них перекрещиваются. Таким образом, всего четыре креста. Порезы на бедрах представляют собой вертикальные линии. Только не спрашивайте меня почему.

– Смерть наступила от ран?

– Вероятно, да. Я уже говорил, мы ждем отчета мед...

– Есть какие-то предположения о времени смерти?

– Принимая во внимание состояние тела, мы думаем, что все произошло в ту самую среду, ночью, через несколько часов после того, как ее увезли в фургоне.

Двумя пальцами левой руки мисс Вуд держала черные очки. Она осторожно коснулась ими руки Босха.

– На мой взгляд, вокруг слишком мало крови. Что скажешь?

– Я как раз об этом думал.

– Так и есть, – кивнул полицейский. – Он сделал это не там. Вероятно, разрезал ее в фургоне. Возможно, использовал какое-то снотворное, потому что на теле нет следов борьбы или отпечатков от веревок. Потом он перетащил ее туда и оставил на траве.

– И на свежем воздухе стал сдирать с нее одежду, – заметила Вуд, – рискуя, что орнитологи-любители надумают изучать сов на ночь раньше.

– Да, странно, не так ли? Но как я уже сказал, поведение этих...

– Понятно, – перебила она, снова надевая очки. Они были марки «Рэй-Бен», в золоченой оправе, с абсолютно черными стеклами. Полицейскому казалось невероятным, что мисс Вуд вообще что-то в них видит в красноватой темноте кабинета. Отражаясь в стеклах очков, красный эллипс стола

раздваивался на кровавые лагуны. – Инспектор, можно нам теперь прослушать запись?

– Конечно.

Полицейский склонился к кожаному чемодану. Когда он выпрямился, в руках у него был диктофон. Он поставил диктофон рядом с фотографиями, будто это просто сувенир, привезенный из турпоездки.

– Она была у трупа в ногах. Двухчасовая хромовая кассета без надписей и отметин. Записывающее устройство хорошего качества.

Он стукнул указательным пальцем по кнопке и включил ленту. От внезапного шума Босх поднял брови. Полицейский поспешно убавил звук.

– Слишком громко, – пробормотал он.

Небольшая пауза. Щелчок. Началось.

Сначала – легкий шум. Потрескивание костра. Охваченная пламенем птица. Потом прерывистое дыхание. Родилось первое слово. Оно казалось жалобой, стоном. Но все повторялось, и можно было разобрать его значение: «Art». После нового усилия легких неуверенно соскользнула первая фраза. Произношение было в нос, речь прерывалась всхлипываниями, шуршанием бумаги и скрипом микрофона. Голос принадлежал девочке-подростку. Она говорила по-английски.

– Искусство – это еще и разру... разрушение... Изначально только... этим оно и было. В пещерах люди рисовали то...

то, что хотели при... принес... принес...

Скрежет. Короткое молчание. Полицейский нажал на паузу.

– Здесь он прервал запись, очевидно, чтобы заставить ее повторить предложение.

Голос звучал разборчивее. Теперь каждое слово произносилось тщательно и медленно. В этом новом прочитанном фрагменте слышно было: девочка прилагает отчаянные усилия, чтобы не сорвался голос. Но что-то растрескивало ледяные озера пауз – наверное, страх.

– В пещерах люди рисовали только то, что хотели принести в жертву... Искусство египтян было погребальным... Все посвящалось смерти... Художник говорит: я создал тебя, чтобы поймать и уничтожить, и в твоём финальном убийстве заложен смысл твоего создания... Художник говорит: я создал тебя, чтобы воздать почести смерти... Потому что выжившее искусство – это умершее искусство... Если фигуры умирают, картины остаются в веках...

Полицейский выключил диктофон.

– Это все. Конечно, мы анализируем запись в лаборатории. Нам кажется, она сделана в фургоне с закрытыми окнами, потому что фонового шума мало. Скорее всего, был написанный текст, и девочка должна была его прочесть.

После слов полицейского воцарилась глубокая тишина. «Как будто сейчас, послушав ее, услышав ее голос, мы наконец поняли весь ужас происшедшего», – думал Босх. Эта ре-

акция его не удивляла. Фотографии, конечно, поразили его, но так или иначе от фотографии легко дистанцироваться. В бытность свою сотрудником голландской полиции Лотар Босх воспитал в себе неожиданную черствость по отношению к жутким химерам красного цвета, вызываемым в фотолаборатории. Однако слышать голос – это другое. За этим крылось человеческое существо, умершее ужасной смертью. Когда мы слышим скрипку, мы лучше понимаем скрипача.

Для Босха, привыкшего видеть, как она, совсем или почти обнаженная и окрашенная в разные цвета, позировала на улице, в залах и музеях, она никогда не была «девочкой», как называл ее полицейский, разве что однажды. Это случилось два года назад. Колумбийский коллекционер по фамилии Карденас с не очень чистым прошлым купил ее в «Гирлянде» Якоба Стейна, и Босху было не по себе при мысли о том, что может произойти в имении на окраине Боготы, где она, одетая лишь в крохотную бархатную ленту на поясе, будет восемь часов в день позировать перед хозяином. Он решил предоставить ей дополнительную охрану и вызвал ее в свой офис в «Новом ателье» Амстердама, чтобы сообщить об этом. Он хорошо помнил этот момент: картина вошла в его кабинет в футболке и в джинсах – загрюнтованная кожа, отсутствие бровей, обычные три этикетки, но вообще ни капли краски – и протянула ему руку. «Господин Босх», – произнесла она.

Голос был голосом девочки с записи. Тот же голландский

акцент, та же мягкость.

«Господин Босх».

Благодаря этому простому движению и этим словам плотно у него на глазах превратилось в двенадцатилетнюю девочку. Ощущение было – как удар молнии. В его голове мелькнула мысль о его собственной племяннице, Даниэль, младше ее на четыре года. До него дошло, что он позволяет маленькой девочке работать почти нагишом в доме взрослого мужчины с криминальным прошлым. Но, когда головокружение прошло, им овладело обычное спокойствие. «Конечно, это не девочка, а картина», – убедил он себя. В имени в Бооте с картиной ничего плохого не стряслось. Зато теперь кто-то искромсал ее в венском лесу.

Слушая запись, Босх вспоминал ощущение мягкого пожатия в своей правой руке и произнесенную с неосознанной кротостью фразу: «Господин Босх». Два разных восприятия, схожих по сути: мягкость, теплота, невинность, мягкость, мягкость...

Полицейский стоял перед ним, будто ожидая, что он что-то скажет.

– Зачем ему оставлять запись? – спросил Босх.

– Эти придурки хотят, чтобы об их теориях узнал весь мир, – сказал полицейский.

– Вы уже нашли фургон? – поинтересовалась мисс Вуд.

– Нет, но скоро найдем, если только его каким-то образом не уничтожили. Нам известна модель и номер, так что...

– Он был очень хитер, – заметил Босх.

– Почему?

– В наших фургонах есть датчики. Система GPS постоянно информирует о нахождении машины. Мы установили их год назад, чтобы предотвратить похищения ценных картин. Но в среду вечером мы потеряли сигнал из этого фургона вскоре после того, как он выехал из музея. Несомненно, он смог найти датчик и отключить его.

– А почему вы так долго нам не звонили? Вы обратились в полицию лишь в четверг утром.

– Мы не заметили потери сигнала. Если фургон отклоняется от намеченного маршрута, долгое время стоит на месте до приезда в гостиницу или происходит авария, датчик активирует звуковой сигнал тревоги. Но в этом случае тревоги не было, и потери сигнала мы не заметили.

– Это говорит о том, что он знал о датчике, – заметил полицейский.

– Поэтому мы считаем, что Оскар Диас либо каким-то образом содействовал ему, либо сам является виновным.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь: Оскар Диас отвечал за ее доставку в гостиницу, так ведь? Нечто вроде телохранителя от вашей фирмы, так?

– Да, охранник из нашей службы, – кивнул Босх.

– А зачем вашему собственному охраннику такое делать?

Босх взглянул на полицейского, потом на погрузившуюся в молчание мисс Вуд.

– Не знаю. У Диаса безупречный послужной список. Если он сошел с ума, то много лет очень удачно это скрывал.

– Что вам о нем известно? У него есть семья? Друзья?..

Босх отчеканил уже заученную наизусть после стократно-го прочтения биографию.

– Двадцать шесть лет, холост, уроженец Мексики, отец умер от рака легких, мать живет с его сестрой в Федеральном округе. В восемнадцать лет Оскар эмигрировал в США. Физически силен, увлекается спортом. Работал телохранителем латиноамериканских бизнесменов, проживающих в Майами и в Нью-Йорке. У одного из них дома была гипердраматическая картина. Оскар заинтересовался ею и начал охранять маленькие выставки в нью-йоркских галереях. Потом работал на нас. Постепенно мы давали ему все более ответственные поручения, поскольку он был умен и достаточно компетентен. Первой важной картиной Фонда, которую ему доверили охранять, была работа Бунхера, выставленная в галерее Лео Кастелли.

– Кого?

Мисс Вуд сухо пояснила:

– Эвар Бунхер – один из основателей традиционного гипердраматического искусства наряду с Максом Калимой и Бруно ван Тисхом. Он был норвежцем, во время Второй мировой войны его арестовали нацисты и отправили в Маутхаузен. Ему удалось выжить. Потом он поехал в Лондон, познакомился с Калимой и с Танагорским и начал использо-

вать для своих картин людей вместо тканых полотен. Но он закрывал их в ящиках. Некоторые говорят, что на него повлияло увиденное в концлагере.

«Эта женщина – ходячий компьютер», – пронеслось у полицейского в голове.

– Ящики маленькие, открытые с одной стороны, – продолжала Вуд. – Полотно залезает внутрь и сидит там часами. – Она обернулась к задней стене и указала на большую фотографию. – Вот, например, работа Бунхера.

Полицейский заметил ее с самого начала и никак не мог понять, что же там изображено. Два обнаженных, окрашенных в красный цвет тела, сжатые в стеклянном кубе. Куб настолько мал, что это вынуждает их слиться в конвульсии. Половые органы видно, лица – нет. Мужчина и женщина. Огромная фотография занимала почти всю стену кабинета в Музеумсквартир. «И они говорят, что *это* — произведение искусства, – подумал полицейский. – И любой может купить его и увезти домой». Интересно, понравилась бы его жене идея поставить подобное украшение в столовой? Как они выдерживали в таких позах столько времени?

Он вспомнил осмотренную перед встречей выставку.

Искусство никогда особо не интересовало Феликса Брауна, инспектора из отдела убийств Департамента криминальных расследований австрийской полиции. Его вкусы старого венца застыли на музыке XIX века. Конечно, он видел несколько гипердраматических произведений, выстав-

ленных на площадях и улицах Вены, но до сегодняшнего дня никогда не был на настоящей выставке.

В Музеумсквартир – культурный и художественный центр, в котором находилось большинство венских музеев современного искусства, – он приехал за сорок минут до назначенной встречи с мисс Вуд и с господином Босхом. Заняться было нечем, и, принимая во внимание особые обстоятельства дела, он решил осмотреть экспозицию, в которой выставлялась убитая девушка.

Она была выставлена в Кунстхалле. Огромная афиша с фотографией одной из фигур (как он впоследствии узнал, это была «Календула дезидерата») занимала весь главный фасад здания. Название коллекции было написано большими красными буквами по-немецки: «Blumen», Бруно ван Тисх. Очень простое название, подумал Браун. «Цветы». Прежде чем попасть в зал, посетители миновали магнитный детектор, рентгеновский контроль и индивидуальную кабинку визуального анализа. Естественно, его табельное оружие засветилось при первой же проверке, но Браун уже представился. Он прошел через двустворчатые двери и очутился в непостижимом мраке искусства. Вначале он подумал, что его окружают раскрашенные статуи на пьедесталах. Потом, подойдя к одной из них поближе, он с трудом поверил, что это человек из плоти и крови, живое существо. Изогнутые буквой «г» талии, вертикально поднятые ноги, архитектурные мосты выгнутых спин... Они не двигались, не мигали,

не дышали. Руки изображали лепестки, а щиколотки издали были похожи на стебли. Нужно было подойти к ограничительному шнуру и сосредоточенно всмотреться, чтобы различить мышцы, груди, увенчанные красной кнопкой сосков, половые органы, лишённые волос; не вызывающие ощущения непристойности половые органы, очищенные от всяких идей, словно венчик цветка. И тогда в игру вступил нос Брауна, обнаруживший, что каждый цветок источает свой резкий аромат, различимый на расстоянии даже поверх разных, не всегда приятных запахов наполнившей зал публики, – так тема ведущего инструмента выделяется из оркестрового сопровождения.

«Blumen». «Цветы». Коллекция из двадцати «Цветов» Бруно ван Тисха. «Календула дезидерата», «Ирис верзиколор», «Роза флорибунда», «Хедера хеликс», «Орхидея аэридес». Названия были не менее фантастичны, чем сами картины. Браун вспомнил, что видел фотографии некоторых «цветов» в журналах, в газетах и по телевизору. Они стали чуть ли не символами культуры двадцать первого века. Но никогда раньше он не видел их вживую, всех вместе, выставленными в этом огромном зале Кунстхалле. И конечно, он никогда их *не нюхал*. Полчаса Браун расхаживал от одного подиума к другому с перекошенным от удивления ртом. Впечатление было потрясающее.

Больше всего ему понравилась картина, написанная огненно-красными красками. Цвет был настолько интенсивен,

что вызывал оптическую иллюзию: ауру, пятно на сетчатке глаз, легкое колебание воздуха, вызываемое раскаленным предметом. Будто в трансе, он приблизился к подиуму. В остром сказочном запахе, напоминающем о прилавках с восточными пряностями, Брауну почудился знакомый оттенок. Картина сидела на корточках, опираясь на кончики пальцев ног. Обе руки ее были сложены перед лобком, а голова склонилась направо (налево со стороны Брауна). Она была полностью обрита и депилирована. Сначала ему показалось, что у нее нет лица, но под маской насыщенной киновари различался разрез век, выступ носа и чеканка губ. По двум маленьким грудям он понял, что это молодая женщина. Она не двигалась, не дрожала. Браун обошел вокруг подиума, но не обнаружил никакой опоры, которая помогала бы ей держаться на корточках в этой позе. Окрашенная в красный цвет, обнаженная, обритая девушка пребывала в равновесии на кончиках пальцев.

Именно в этот момент ему показалось, что он узнал аромат.

Чуть похоже на те духи, которыми пользовалась его жена. Ошарашенный, выйдя на улицу, он напрасно пытался вспомнить название «цветка», пахшего, как его жена. «Тюльпан пурпурный»? «Волшебный кармин»?

Он все еще старался вспомнить.

– Бунхер создал серию под названием «Клаустрофилия», – продолжил пояснения Босх. – Весь сезон Оскар

сопровождал домой «Клаустрофилию-пять», модель Сэнди Райан, седьмую дублершу картины. С полотнами он всегда был вежлив, иногда не в меру разговорчив, но всегда почителен. В две тысячи третьем году он купил квартиру в Нью-Йорке и стал жить там, но с января этого года находился в Европе, охраняя картины серии «Цветы». Здесь, в Вене, он остановился в гостинице на Кирхберггассе, вместе с остальными телохранителями. Гостиница совсем рядом с культурным центром. Мы допросили его товарищей по работе и непосредственных начальников: в последнее время никто ничего странного за ним не замечал. И это все, что нам известно.

Браун начал делать заметки в небольшой записной книжке.

– Я знаю, где Кирхберггассе, – произнес он. Его тон, казалось, подчеркивал, что он здесь единственный венец. – Нам придется обыскать его номер.

– Конечно, – согласился Босх.

Они уже обыскали и гостиничный номер, и квартиру в Нью-Йорке, но Босх не собирался докладывать об этом полицейскому.

– Остается также вероятность того, что Диас невиновен, – заметил он так, будто собирался быть адвокатом дьявола своей собственной теории. – В этом случае необходимо задать вопросом, почему он исчез.

Браун неопределенно кивнул, давая понять, что этот во-

прос не входит в компетенцию Босха.

– Как бы то ни было, – сказал он, – пока у нас нет доказательств обратного, нам придется считать Диаса основной целью наших поисков.

– Что известно прессе? – спросила мисс Вуд.

– Как вы и просили, личность девушки скрыта.

– А в отношении Диаса?

– Его описание не обнародовано, но мы установили контроль в аэропорту Швехат, на вокзалах и на границах. Однако следует иметь в виду, что уже пятница, а сообщение мы получили вчера. У этого типа были почти сутки, чтобы выехать из страны.

Мисс Вуд и Босх молча кивнули. Они тоже имели в виду это обстоятельство. Более того, они работали намного быстрее австрийской полиции: Босх знал, что в этот момент десять групп агентов служб безопасности разыскивают Диаса по всей Европе. Но им нужна была помощь местной полиции, любое подкрепление дорого.

– Что касается семьи жертвы... – начал Браун и, замаявшись, посмотрел на Босха.

– У нее только мать, но она в командировке. Мы запросили разрешение лично сообщить ей о случившемся. Да, кстати, полагаю, мы можем оставить себе фотографии и запись, не так ли?

– Именно так. Это копии для вас.

– Спасибо. Хотите еще кофе?

Браун ответил не сразу. Он засмотрелся на молча вошедшую в комнату служанку. Это была смуглая девушка в длинном красном платье, с серебристым кофейником на подносе, та же, что подала ему кофе и в первый раз. Ее лицо нельзя было назвать необычным или чрезвычайно красивым, но в ней было *нечто*, чему Браун не мог дать определение. Покачивание, заученный ритм, незаметные жесты тайной балерины. Браун знал о существовании живых украшений и домашней утвари и знал, что они запрещены, но эта девушка держалась на грани законности. В ее внешнем виде и в поведении не было ничего преступного, и все то, что, глядя на нее, представлял себе Браун, могло существовать лишь в его голове. Он согласился на кофе и смотрел, как девушка густой дымящейся дугой наливает ему в чашку мокко. Как и в прошлый раз, он подумал, что она босая, но не мог этого проверить из-за длинного платья и царившей в комнате темноты. От нее исходили волны духов.

Ни Босх, ни мисс Вуд кофе не захотели. Служанка развернулась. Послышался шелест платья об ее ноги. Дверь открылась и закрылась. Браун смотрел на нее еще мгновение. Потом заморгал и вернулся к действительности.

– Мы очень благодарны вам за содействие австрийской полиции, инспектор Браун, – говорил ему Босх. Он уже собрал все фотографии со стола (эллипса красного лака, имитирующего палитру художника) и доставал кассету из диктофона.

– Я лишь выполнил свой долг, – произнес Браун. – Руко-

водство приказало мне прибыть в музей и обо всем вас информировать – так я и сделал.

– Вы, наверное, думаете, что ситуация несколько необычна, и мы вполне вас понимаем.

– «Необычна» – это мягко сказано, – усмехнулся Браун, пытаясь придать фразе оттенок цинизма. – Во-первых, в правила нашего департамента не входит утаивать от газет информацию о деятельности потенциального психопата. Завтра в лесу может появиться тело еще одной девочки, и у нас возникнут серьезные проблемы.

– Понимаю, – кивнул Босх.

– Во-вторых, не в правилах полиции – по крайней мере полиции этой страны – раскрывать таким частным лицам, как вы, детали, непосредственно связанные с расследованием. Обычно мы не сотрудничаем с частными агентствами безопасности, тем более до такой степени.

Снова кивок.

– Но... – Браун развел руками в жесте, который, казалось, означал: «Мне приказали прийти и вас информировать, и я это делаю». – В общем, я в вашем распоряжении, – добавил он.

Ему не хотелось демонстрировать недовольство, но он ничего не мог с собой поделать. Утром ему не меньше пяти раз звонили из разных департаментов, все выше и выше вздымавшихся по политической лестнице. Последний звонок был от высокопоставленной особы из Министерства внутренних

дел, имя которой никогда не появлялось на страницах газет. Ему посоветовали обязательно прийти на встречу в Музеум-сквартир и предоставить в распоряжение Вуд и Босха всю возможную информацию и помощь. Было очевидно, что у Фонда ван Тисха обширные и сложные механизмы влияния.

– Ваш кофе, – указывая на чашку, произнес Босх. – Он остынет.

– Спасибо.

На самом деле кофе Брауну больше не хотелось. Но из вежливости он взял чашку и притворно пригубил напиток. Пока сидевшие перед ним обменивались банальными фразами, он занялся их изучением. Мужчина по имени Босх нравился ему гораздо больше, чем женщина. Браун дал ему около пятидесяти лет. На вид – серьезный человек с блестящей лысиной в обрамлении седых волос, с благородными чертами лица. Кроме того, в начале разговора он признался Брауну, что в молодости работал на голландскую полицию, так что они практически были коллегами. Но мисс Вуд – совсем из другого теста. Выглядела она молодо, лет на двадцать пять – тридцать. Гладкие черные волосы, стрижка а-ля гарсон, идеальный пробор справа. Костлявое тело ламинировано платьем на бретельках, с шеи свешивается красный бейдж отдела безопасности Фонда ван Тисха. Все остальное – тонна макияжа и абсурдные черные очки. В отличие от своего коллеги, Вуд никогда не улыбалась и говорила так, будто все вокруг находятся у нее в услужении. Браун посочувствовал

Босху, что тому приходится ее выносить.

Внезапно у Феликса Брауна возникло странное ощущение. Чуть ли не раздвоение личности. Он увидел, как сидит в этой освещенной красными лампами и украшенной фотографией двух людей, вдавненных в стеклянный куб, комнате, перед красным столом в форме палитры художника, с этими двумя экстравагантными типами, а прислуживает ему служанка с внешностью одалиски, а перед этим он смотрел выставку голых раскрашенных молодых людей, пахнувших разными ароматами, и едва смог понять, какого черта здесь делает он, инспектор из отдела убийств. Он также не очень понимал, каким образом все это связано с происшедшим. Истерзанное тело, которое они нашли на рассвете в Винервальде, принадлежало бедной четырнадцатилетней девочке, убитой дичайшим способом – один из худших случаев садизма, виденных Брауном. Какова связь между этим убийством и красным кабинетом, одалиской, двумя смехотворными типами и музеем?

– Вообще-то, – произнес он, и перемена его интонации заставила женщину с мужчиной прервать разговор и посмотреть на него, – я еще не очень понял, какова ваша роль в этом деле, разве только вы возглавляете службу безопасности, где работал подозреваемый. Совершено жуткое преступление, и его расследование – дело исключительно полиции.

– Инспектор, вы знаете, что такое гипердраматическое искусство? – внезапно спросила мисс Вуд.

– Кто же не знает? – ответил Браун. – Я только что посетил выставку «Цветы». А мой двоюродный брат купил себе книгу для начинающих живописцев. Он хочет практиковаться на всех нас и каждый раз, как я прихожу к нему в гости, просит, чтобы я был моделью...

Босх засмеялся вместе с Брауном, но серьезность мисс Вуд осталась неизменной.

– Дайте определение, – попросила она.

– Определение?

– Да. Что такое, на ваш взгляд, ГД-искусство?

«Что еще она задумала?» – недоумевал Браун. Эта женщина его нервировала. Он поправил узел галстука и кашлянул, оглядываясь вокруг, будто ища по углам красноватой комнаты правильные слова.

– Можно сказать, что это люди, которые стоят неподвижно, а все остальные говорят, что они – картины, так? – ответил он.

Его ирония не вызвала у женщины никакой реакции.

– Как раз наоборот, – возразила Вуд. И впервые улыбнулась. Самой неприятной улыбкой, какую Браун когда-либо видел. – Это картины, которые иногда движутся и кажутся людьми. Дело не в терминологии, а в точке зрения, и это наша точка зрения в Фонде. – Голос у мисс Вуд был ледяной, точно каким-то загадочным образом каждое ее слово было скрытой угрозой. – Фонд берет на себя охрану и администрирование произведений Бруно ван Тисха по всему миру,

а я возглавляю отдел безопасности. Моя задача и задача моего сотрудника, господина Лотара Босха, заключается в том, чтобы не допустить повреждения полотен ван Тисха. А Аннек Холлех была картиной, стоимость которой намного превышала все наши оклады и пенсии, вместе взятые, инспектор. Она называлась «Падение цветов» и была оригиналом Бруно ван Тисха, ее считали одной из величайших картин современной живописи, и она уничтожена.

Браун был поражен ледяной яростью, исходящей из этого быстрого пришептывающего голоса. Прежде чем продолжить, мисс Вуд сделала паузу. Ее черные очки с врезавшимся красным отражением стола разглядывали Брауна.

– То, что вы считаете убийством, мы считаем серьезным покушением на одну из наших картин. Как понимаете, расследование касается нас непосредственно, поэтому мы просили о вашем содействии. Все понятно?

– Вполне.

– Даже не думайте, что мы будем мешать вашей работе, – продолжала Вуд. – Полиция идет своим путем, Фонд – своим. Но я очень прошу, держите нас в курсе всех новостей по ходу расследования. Большое спасибо.

Встреча тут же закончилась. В сопровождении девушки из отдела по связям с общественностью, которая встретила его по приезду, Браун снова прошел по коридорам овального крыла Музеумсквартир, похожим на лабиринт. На улице щедрое летнее солнце вернуло ему спокойствие.

В машине по дороге домой название сверкнуло у него в голове точно красная молния, без всякого предупреждения. «Волшебный пурпур».

Так называлась красная-прекрасная картина, пахнувшая, как его жена. Огненно-красная, карминно-красная, кроваво-красная.

* * *

Визитка была цвета бирюзы, голубая, как волшебное заклинание, голубая, как мечта, голубая, как идеальное море. Она поблескивала в свете лампы в столовой. Номер был напечатан в центре тонкими черными цифрами. Кроме этого номера – наверное, сотового телефона, хоть код и странный, – ничего не было. Набирая его, Клара заметила, что на ее ногте еще блестят остатки краски с «Девушки перед зеркалом». На второй звонок откликнулся голос молодой женщины:

– Да?

– Здравствуйте, это Клара Рейес.

Она думала, что еще сказать, но тут поняла, что трубку повесили. Она решила, что связь прервалась случайно. Такое с мобильными иногда бывает. Ведь, по выражению Хорхе, это гнусные устройства, с которыми можно делать практически все, иногда даже говорить по ним. Она нажала на кнопку повторного звонка на телефоне. Ответил тот же го-

лос в том же тоне.

– Кажется, раньше сорвалось, – начала Клара. – Я...

Повесили трубку.

Заинтригованная, она перезвонила. Повесили трубку в третий раз.

Она задумалась. Она только что вернулась из галереи «ГС» и, приняв душ и смыв краску с волос и тела, первым делом взяла визитку и позвонила. Клара в завязанном на груди синем полотенце сидела, скрестив ноги, в столовой, на коврикe цвета морской волны. Она открыла окна, и ночной ветерок овеивал её спину. В музыкальном центре тихонько мурлыкал блюз. «Проблема не в телефоне. В этот раз трубку повесили раньше. Нарочно».

Она избрала другую тактику. Дистанционным пультом выключила проигрыватель, посмотрела на часы на полке и снова позвонила.

Когда женщина взяла трубку, Клара промолчала.

Тишина протянулась по обе стороны провода; стала глубокой, непонятной. Не было слышно ничего, даже дыхания, хотя было ясно, что в этот раз трубку не повесили. Однако ничего не говорили. «Сколько времени мне придется ждать, пока они решатся?» – думала она.

Вдруг трубку повесили. По часам прошла одна минута.

Значит, смысл в молчании. На этот раз оно длилось дольше, что, вероятно, означало, что от нее не требуется говорить. Но трубку повесили снова.

Она резко откинула спадавшие на лицо влажные светлые волосы. Для нее было очевидно, что ее подвергали интересному испытанию на натяжение.

Все великие мастера перед началом работы натягивали свои полотна. Натяжение было входной аркой в мир гипердраматизма – метод подготовки модели к тому, что приближалось, предупреждение: начиная с этого момента, ничто из происходящего с ней не будет следовать логике или общепринятым нормам. Клара привыкла к различным манерам натяжения. Художники группы «Зе Сёркл» и Джильберто Brentano чаще всего использовали метод показа садомазохистской параферналии. Жорж Шальбу, напротив, натягивал незаметно, создавая нужное настроение с помощью специально обученных людей, которые изображали любовь или ненависть к моделям, использовавшимся в его работах, или неожиданно начинали угрожать им: то были ласковы, то избегали их, вызывая таким образом мучительное беспокойство. Исключительные художники, такие как Вики Льедо, пользовались для натяжения *самими собою*. Вики была особенно жестока, потому что чувства ее были искренними: это походило на таинственное раздвоение личности, будто в одном и том же теле существовали Вики-человек и Вики-художница, и каждая из них работала сама по себе.

Чтобы успешно пройти этап натяжения, полотну необходимо знать две вещи: единственное правило состоит в том, что правил не существует, а единственный возможный спо-

соб поведения – движение вперед.

Звонить снова и молчать – это не дало бы никаких результатов: ей нужно было сделать следующий шаг. Но в какую сторону?

Подпись Алекса Бассана на левом бедре чесалась. В раздумье она осторожно погладила буквы подушечками пальцев.

И тут в голову ей пришла мысль. Мысль совершенно абсурдная, а потому Клара решила, что верная (так в мире искусства бывало почти всегда). Она оставила трубку на коврике, поднялась и выглянула в окно. Под наплывом прохлады голое, еще влажное тело, скрытое полотенцем, не почувствовало ни холода, ни неудобства.

Дождь омыл ночь. Не было запаха мусора, машин, испражнений, центра Мадрида, пахло чем-то похожим на запах моря в городе, ночным ветерком, благодаря которому Мадрид иногда притворяется пляжем. Но машины были. Они ехали, обнюхивая друг у друга зады и подмигивая светящимися глазами. Клара посмотрела на дом напротив: на последнем этаже горели три окна, и на одном из них стояли горшки с цветами перед кобальтовыми занавесками. Похоже, это голубые гиацинты. Она облокотилась на подоконник и поглядела на улицу с высоты пяти этажей своего блока. Ветерок шевелил ей волосы жестом уставшего кукольника.

Казалось, никто за ней не наблюдает. Абсурдно было думать, что за ней следят, что за ней наблюдают.

Абсурдно – значит правильно.

Она взяла радиотрубку, снова взглянула на часы, вернулась к окну и опять набрала номер с бирюзовой визитки.

– Да? – ответил женский голос.

Она молча ждала, встав как можно ближе к окну и стараясь не двигаться. Кайма синего полотенца шевелилась на ветру. Вдруг трубку повесили. Взглянула на часы: ровно пять минут. Настоящий рекорд, а это доказывает, что она сделала то, *что нужно*, и что на самом деле, как невероятно это ни кажется, за ней *наблюдают*. Она попробовала по-другому: снова позвонила и в один прекрасный момент, не отходя от окна, поднесла руку к волосам и поправила их. Трубку повесили сразу, чуть ли не до того, как она опустила руку.

Клара улыбнулась и молча кивнула, глядя на улицу. «Ага, попались: вы хотите, чтобы я молчала, чтобы подошла к окну, не двигалась и... Что еще?» Бассан иногда говорил ей, что ее лицо выражает одновременно доброту и злобу, «как у ангела с ностальгией по дьявольскому». В эту минуту ее выражение было скорее дьявольским, чем ангельским. «Что еще, а? Что еще тебе нужно?»

Первые шаги в странном храме искусства в начале нового произведения всегда оказывали на нее одно и то же воздействие: ее охватывал азарт. Ощущение совершенно невероятное. Как могут люди существовать, делая какую-то другую работу? Как могут существовать люди вроде Хорхе, которые *не* являются ни картинами, ни художниками?

Ее позабавил такой сценарий (в подобные моменты ее воображение бурлило): молчание в трубке длится десять минут, если она свешивается с балкона, пятнадцать – если ставит на поручень одну ногу, двадцать пять – если ставит вторую, тридцать, если встает на ограждение, тридцать пять – если шагает в пустоту... Может, тогда кто-нибудь и ответит.

«Но в таком случае полотно будет не натянуто, а испорчено».

Она выбрала другой вариант, гораздо более скромный. Снова взглянула на часы и, не отходя от окна, сняла полотенце и бросила его на пол. Позвонила. Услышала знакомый ответ. Застыла в ожидании.

Молчание длилось.

Когда, по ее расчетам, пять минут давно прошли, она подумала, что еще ей придется сделать, если трубку положат снова. Думать об этом пока не хотелось. Она продолжала неподвижно стоять нагишом перед окном. В трубке тянулось молчание.

Виноват во всем был черный котенок.

Впервые она увидела его у бассейна на Ибице под потоками жаркого солнца. Котенок странно, по-кошачьи, смотрел на нее, слишком широко раскрывая глаза кварцевого стекла и призывая разгадать его тайну. Но ей было четырнадцать, она лежала на животе на полотенце, расстегнув лифчик купальника, и тайны в тот момент не очень-то ее волновали.

Она завоевала доверие котенка тихим мурлыканьем. А может, это он сам залюбовался ее красотой. Дядя Пабло, пригласивший ее на лето на Ибицу, часто в шутку спрашивал, кто ее имиджмейкер. «При такой красоте он наверняка у тебя есть». Клара с длинными светлыми волосами, с глазами, похожими на две покрытые морем планетки без следа суши, с тонкой подростковой фигуркой, четко обрисованной кожей, давно привыкла читать похвалу в чужих глазах. Когда она была маленькой, отец ее одноклассника по имени Борха дал ее отцу визитку со словами, что он телепродюсер и хочет взять Клару на пробы. Он заявил, что никогда не видел подобной девочки. Ее отец очень рассердился и слышать об этом не захотел. Вечером в доме произошла крупная ссора, и телевизионное будущее Клары было навсегда перечеркнуто. В девять лет, после смерти отца, было уже поздно его послушаться. С тех пор жизнь стала очень непростой, потому что, лишившись отца, семья осталась без защиты. Галантерея, которую держала мать, где Клара начала работать, как только смогла, помогла им выжить и дала деньги на то, чтобы ее брат, Хосе Мануэль, окончил школу и начал изучать право. Ну и потом была помощь от дяди Пабло, который никогда о них не забывал. Дядя Пабло был бизнесменом, женатым на немке, он жил в Барселоне. Именно ему пришла в голову мысль вытаскивать Клару летом из Мадрида и привозить ее в свою квартиру в Кортичере, на Ибице, вместе с двоюродными сестрами. Сестры были старше и оставляли ее одну, но

она не переживала: для нее был сказкой сам факт вырваться из унылой мадридской квартиры и месяц прожить в этом крохотном и необъятном местечке, окрашенном солнцем в синий цвет.

Однако, если бы не черный котенок, ничего бы не произошло.

А может, и произошло бы, но по-другому – Клара верит в предначертания судьбы. Тем солнечным летом 1996 года, пахнувшим хлоркой и морским ветерком, котенок сперва недоверчиво подошел к ней, а потом превратился в бархатный шар с голубыми отблесками. Он не пах ни хлоркой, ни морем, только мылом, и ясно было, что у него есть хозяин, потому что он слишком ухожен, чтобы думать, будто он дитя природы.

– Привет, – поздоровалась с ним Клара. – Киса, где твой хозяин?

Зверек мяукнул у нее между пальцев, открыв похожий на малюсенькое сердечко или раскрытую миндалину ротик. Она улыбнулась. Она совсем не боялась. В доме в горной деревне Альберка, где родился ее отец и куда они ездили каждое лето, пока он был жив, она привыкла к любым домашним животным. Клара погладила его так, будто это лампа, в которой скрывается джинн, исполняющий любые желания.

– Ты потерялся? – спросила она.

– Он мой, – послышался голос.

Тогда она заметила перед собой смуглые худые мокрые

ноги Талии. Подняв глаза, она увидела против солнца ее улыбку и поняла (ибо верила в предзнаменования), что они подружатся.

Ей было тринадцать, большие глаза и кофейная кожа. Она одновременно мягко разговаривала и мягко улыбалась, словно речь и улыбка для нее одно и то же, словно все, что она говорит, – весело, а все ее улыбки – слова. Ее мать была из Венесуэлы, из Маракая, а отец – испанец. На другом конце острова, рядом с Пунта-Галера, у них был дом. В этот поселок Талия попала случайно, из-за того что ее родители пришли навестить своих друзей. Так что познакомил их черный котенок.

У отца Талии было много денег, намного больше, чем у дяди Пабло, который жил совсем неплохо. Дом на Пунта-Галера был огромным особняком с огороженным участком, полным деревьев и тени, парков и водоемов. Через два дня Талия пригласила Клару к себе, и та поразилась тому, что у подруги были мажордомы – не просто женщины, приходящие стирать и готовить еду, а одетые в униформу люди с остекленевшим взглядом. Но самое невероятное – это бассейн. Большой, с голубым прямоугольником воды. Казалось непостижимым, что в распоряжении маленькой смуглой Талии – весь этот громадный сапфировый зал, этот пол из жидких плиток, по которому можно прогуливаться, плавая. Однако первое впечатление Клары было другим.

В бассейне была еще одна девушка. Разве у нее есть сест-

ра? Или это подруга?

Но девушка – явно взрослая. Она сидела на краю бассейна на коленях, скорее даже на четвереньках, и на ней были только крохотные синие трусики-танга. Ее тело очень странно сверкало. Когда Клара и Талия подошли к ней, она ни на миллиметр не сдвинулась с места.

– Это папина картина, – объяснила Талия. – Мой папа заплатил за нее большие деньги.

Клара нагнулась и уставилась на застывшее лицо, блестящую от грунтовки и красок кожу, чуть трепещущие на ветру волосы.

– Невероятно, – поражалась Талия, видя ее изумление. – Ты не знаешь, что такое ГД-искусство? Ну конечно, она из плоти и крови, как ты и я! Это картина, гипер... – Тут она произнесла непонятное для Клары слово. – Она не в транс-се, ничего подобного, она позирует. А этот запах – масляная краска.

«Элисео Сандоваль. „У бассейна“. 1995. Масло и кремы для загара, девушка восемнадцати лет, хлопчатобумажные танга». Вот что прочитала Клара на маленькой картонной табличке на полу рядом с фигурой.

Подобно большинству людей, Клара слышала о гипердраматическом искусстве и видела документальные фильмы и репортажи, но никогда не видела настоящую картину.

Словно под действием злых чар, она присела на колени рядом с картиной и забыла обо всем. Она обшарила ее взгля-

дом: от кончиков пальцев рук до окрашенных волос; от шеи до изгиба ягодиц. Две полосы танга образовывали букву «V» – в саду было дерево такой же формы. Она пробежала глазами каждый миллиметр парализованной плоти, как будто это фильм, который она всю жизнь хотела посмотреть. Дрожа, она подняла палец и дотронулась до правого бедра «этого». Ощущение было как от прикосновения к краю вазы. «Это» даже не моргнуло.

– Эй, не делай так, – предупредила ее Талия. – Картины трогать нельзя. Если б тебя увидел мой папа!..

День прошел словно пытка. Ей приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы играть. Конечно, бедная Талия была тут ни при чем, виновато во всем было *проклятое* «это», *непристойное*, проклятое «это», которое не хотело шевелиться и сидело там, под солнцем, у воды, не потея, без жалоб, погрузившись в созерцание небольшого пространства плитки. Парализованная волшебная фигура в танга в форме «V», одновременно лишенная и исполненная жизни, – это она была во всем виновата.

В какой-то момент Кларе стало плохо. Ей не хватало воздуха, она задыхалась. Она бросилась бежать и спряталась в доме. На диване роскошной гостиной нашла котенка и сжалась в комок рядом с ним. Щеки ее горели, дышать было трудно. Когда наконец появилась Талия, Клара с мольбой взглянула на нее.

– Она что, *никогда* оттуда не уходит? – всхлипнула она. –

Не ест? Не спит?

– Конечно, она ест и спит. Она выставляется только с одиннадцати до семи.

Вечером пришел мажордом. Было ровно семь. Тогда Клара, весь день неотрывно следившая за часами, подошла к картине. Она увидела, как «оно» шевельнулось, как после долгой неподвижности потянуло ноги и руки и с медлительностью рождающегося ребенка распрямило туловище и подняло голову с закрытыми глазами; увидела, как блеснуло на «его» расширившейся от дыхания груди масло; увидела, как «оно» бесконечно медленно встало и превратилось в женщину, в девушку, в такое же существо, как она сама. На синем фоне.

«Я хочу быть *этим*, – мелькнула у нее мысль. – Я хочу быть *этим*».

Зубы у нее стучали.

Какая-то женщина отодвинула кобальтовые занавески, высунулась и начала поливать голубые цветы. Вдруг она подняла глаза и заметила Клару. Посмотрев на нее минуту, брезгливо поежилась, потом ушла с балкона, закрыла окно и задернула занавески. В стеклах отразилось нагое Кларино тело в рамке ее окна, точеная фигура с лицом без бровей и депилированным лобком, груди, как две волнистые складки на бумаге, уже высохшие на ночном ветерке волосы, правая рука с телефонной трубкой – все это в неземном мире синего

кобальта стеклом напротив.

В телефоне царило молчание. Трубку не повесили.

Клара отдалась на волю воспоминаний, а появление женщины резко вернуло ее к действительности. Ибица, Талия и незабываемый момент знакомства с ГД-искусством растаяли в потемневших красках ночи. Она не знала, сколько времени ждет, не меняя позы. Наверное, не меньше двух часов. Державшая трубку рука казалась гораздо холоднее, чем все остальное тело, мышцы затекли. Она отдала бы что угодно, чтобы сменить позу, но продолжала неподвижно стоять, прижав к уху телефон. Она даже старалась поменьше дышать, будто работала в картине, не переносила вес с одной ноги на другую: стояла ровно, левая рука на бедре, колени прижаты к полосам батареи под занавесками, чтобы максимально приблизиться к окну.

Временами появлялось искушение повесить трубку. Потому что не исключена была вероятность того, что это глупое ожидание – ошибка. Возможно, идея неподвижно стоять нагишом у окна с трубкой в руке – всего лишь плод ее фантазии. В конце концов, она еще не получила от художника, кем бы он ни был, никаких указаний – ни жеста, ни слова. Кому придет в голову писать невидимой тишиной? Не говоря уже о раздутом счете за телефон, в который выльется это приключение. Хорхе над ней посмеется.

«Посчитаю до тридцати... Ладно, до ста... Если ничего не произойдет, повешу трубку».

Она была абсолютно вымотана (целый день на ногах в картине Бассана), хотелось есть и спать. Клара начала считать. С другой стороны улицы послышался смех мальчишек. Наверное, заметили. Это ее не волновало. Она – профессиональное полотно. Стыдливость и застенчивость давно остались позади.

«Двадцать шесть... двадцать семь... двадцать восемь...»

Вся ее жизнь была искусством. Она не знала, где граница, если только границы вообще существовали.

Она научилась показывать свое тело и использовать его в одиночку, перед другими и с другими. Не считать святым ни единого его уголка. Выдерживать до конца настырную боль. Мечтать, когда сведены мышцы. Воспринимать пространство как время, а время как нечто широкое, как ландшафт, в котором можно пройтись или задержаться. Контролировать ощущения, выдумывать их, играть, имитировать. Переступить любую грань, оставлять в стороне всякую осторожность, откидывать ненужный груз угрызений совести. Произведению искусства не принадлежало ничего – и тело, и мысль были направлены на то, чтобы творить и быть творимыми, на преобразование.

Профессия эта была самой необычной и самой прекрасной в мире. Она посвятила себя ей тем же летом, по возвращении с Ибицы, и никогда об этом не жалела.

У Талии она узнала, что Элисео Сандоваль, автор карти-

ны «У бассейна», живет и работает в Мадриде вместе с другими художниками в загородном доме рядом с Торрехоном. Несколько недель спустя она явилась туда, одинокая и взволнованная. Первое, что она поняла, – не она одна решилась на этот шаг, а ГД-искусство в Испании популярнее, чем она думала. Дом кишел художниками и подростками, жаждущими превратиться в произведение искусства. Элисео, молодой венесуэльский художник с лицом боксера и потрясающей ямочкой на подбородке, за умеренную цену предлагал несовершеннолетним моделям начальные уроки, которые должны были держаться в тайне, да и продать картины не было никакой надежды, так как ГД-искусство с использованием несовершеннолетних еще не было разрешено законом. Клара воспользовалась своими небольшими сбережениями и начала ходить к нему по выходным. Кроме всего прочего, она научилась выставляться нагишом в помещении и на улице, в одиночку и перед другими. И часами терпеть краску на коже. И постигла основы гипердрамы: игры, репетиции, формы выражения. Ее брат узнал об этих занятиях, и начались споры, запреты. Клара поняла, что после смерти отца Хосе Мануэль хочет стать ее новым цербером. Но она не позволила. Сказала, что уйдет из дому, и так и сделала, как только смогла. В шестнадцать лет она начала работать в «Зе Сёркл», международной организации художников-маргиналов, которые готовили молодежь для больших мастеров. Там она нанесла на тело татуировку, перекрасила волосы в рыжий цвет,

проколола нос, уши, соски и пупок колечками и участвовала в гротескных настенных картинах. Заработала денег и смогла учиться у Ведекинда, Квинета и Ферручолли. В восемнадцать лет она переселилась к Габи Понсе, начинающему художнику, с которым познакомилась в Барселоне, ее первой любви, ее первому мастеру. Когда ей исполнилось двадцать, Алекс Бассан, Шавьер Гонфрель и Гутьеррес Регеро начали звать ее в оригиналы. Потом пришли великие: Жорж Шальбу написал ее телом домового, Джильберто Brentано превратил ее в кобылу, а Вики добилась таких выражений лица, которых она сама в себе не подозревала.

Однако гении ее еще не касались.

Но что будет, не переставала думать она, что будет, если никто не ответит, что будет, если ее будут натягивать сверх разумных пределов, если попробуют довести ситуацию до грани, что будет, если...

Ночь сделалась темно-синей. Ветерок, который раньше освежал, теперь леденил до костей.

Она посчитала до ста, потом еще до ста и еще до ста. Наконец просто перестала считать. Положить трубку она не решалась, потому что чем больше проходило времени, тем *более важным* (и сложным) ей казалось то, что ее ожидает дальше. Самое важное и сложное, самое жесткое и рискованное.

Она смотрела на тишину, на то, как свет погружается в сон, на царство котов. Наблюдение за рождением рассвета

в городе показалось ей подобным созерцанию незаметного движения стрелки на часах.

Что будет, думала она, если с ней не заговорят? Когда, в какой момент следует считать, что настал конец игры? Кто первым сдастся в этом огромном несправедливом противостоянии?

Вдруг в трубке снова раздался женский голос. Ее слух так долго был погружен в тишину, что было немного больно – так болит зрачок слепца, внезапно увидевшего свет. Голос был резким и лаконичным. Он назвал место: площадь Десидерио Гаоса, без номера. Имя: господин Фридман. Время: ровно в девять утра. Потом трубку повесили.

Какое-то время Кларе хотелось стоять в той же позе с трубкой в руке. Потом с гримасой усталости она вернулась к неудобствам жизни.

Был рассвет четверга, 22 июня 2006 года.

* * *

Чердак. Чердак. Дом в Альберке. Папа.

Солнце ярко светит над садом. Вид замечательный: трава, апельсиновые деревья, синяя клетчатая рубашка отца, соломенная шляпа и очки с толстыми квадратными стеклами, потому что Мануэль Рейес близорук, очень близорук, причем практически добровольно, по крайней мере он смирился и не переживал из-за этого чудовища с толстой, вышедшей

из моды роговой оправой на своем лице. Он уверял, что очки придают некую солидность тем подробным объяснениям о картинах музея Прадо, с которыми он выступал перед туристами. Потому что такая у папы была работа – водить людей по залам музея и громко, с трезвой эрудицией пояснять им тайны «Копий» и «Менин», его любимых полотен. Папа подрезал апельсиновые деревья, а ее брат Хосе Мануэль практиковался в гараже с мольбертом (он хотел быть художником, но папа советовал ему получить высшее образование), а она ждала у себя в комнате, когда они с мамой пойдут к мессе.

Тут она услышала шум.

В таком доме, как Дом, где их (шумов) гнездится столько, еще один шум ничего не значит. Но этот ее заинтриговал. Ее брови выгнулись в крохотную букву «V». Она вышла посмотреть, что или кто шумел.

Чердак. Дверь слегка приоткрылась. Наверное, мама зашла что-то положить, а потом плохо закрыла ее.

Чердак – запретная комната. Мама не разрешала детям заходить на чердак, боясь, что нагроможденные там вещи на них свалятся. Но Клара и Хосе Мануэль считали, что там спрятано нечто ужасное. В этом они были согласны. Разным было лишь значение, которое каждый придавал ужасному. Брату казалось, что ужасное – это что-то плохое; Кларе было неясно, плохое оно или хорошее, но уж точно жутко *притягательное*. Как конфетка, которая вредит здоровью, но одновременно тянет к себе. Если бы перед ними появилось нечто

ужасное, Хосе Мануэль в страхе отступил бы, а Клара зачарованно подошла бы поближе, как ребенок, ожидающий ночью прихода волхвов³. Сама сущность ужасного вызвала бы двойкую реакцию: нечто *по-настоящему* ужасное напугало бы Хосе Мануэля и привлекло бы Клару к себе словно наваждение, притянуло бы – как камень тянет в темноту колодца (с такой же естественной мрачностью).

Теперь наконец ужасное приглашало ее к себе. Она могла бы кликнуть мать (слышно было, как она возится на кухне), или пойти в сад и искать защиты у отца, или спуститься дальше, в гараж, и просить помощи брата.

Но она решилась.

Дрожа так, как не дрожала никогда в жизни, даже в день первого причастия, она толкнула старую дверь и вдохнула вихри голубой пыли. Ей пришлось отступить и откашляться, хотя это отчасти лишало приключение золотого ореола. Там было столько пыли и стоял такой жуткий запах, будто что-то бродило, и ей показалось, она не выдержит. Да еще и запачкает выходное платье.

Но, елки-палки, поиски ужасного требуют жертв, подумала она. Ужасное не растет на деревьях, где каждый может его достать: получить его очень непросто – так, папа говорит, происходит с деньгами.

Она сделала два-три вдоха и попробовала еще раз. Боязливо ступила в вонючую темноту и заморгала, чтобы глаза

³ В Испании подарки детям традиционно приносят волхвы в ночь на 7 января.

привыкли к неведомому. Она различила перевязанные шнуром туловища и поняла, что это старые одеяла. Стоящие друг на друге картонные коробки. Выгнутая шахматная доска. На полке сидит голая кукла без глаз. Паутина и синие тени. Все это порядком впечатлило ее, но не испугало. Она знала, что увидит нечто подобное.

К ней уже подкрадывалось неизбежное разочарование, как вдруг она его увидела.

Ужасное.

Оно было слева. Легкое движение, подвижная тень, освещенная падавшим с порога светом. Клара обернулась с невиданным спокойствием. Ужас достиг апогея (она была на грани крика), а значит, она наконец нашла ужасное и теперь готовилась на него взглянуть.

Это была девочка. Девочка, которая жила на чердаке. На ней был цвета морской волны костюмчик от «Лакост», очень гладкие и хорошо расчесанные волосы. Ее кожа казалась мраморной. Она была похожа на труп. Но двигалась. Открывала рот, закрывала. Часто моргала. И смотрела на нее.

Ужас переполнил Клару. Сердце превратилось в мышку, и Клара почувствовала, как оно наугад поползло в ее груди и застряло в горле. Этот миг длился целую вечность – мимолетная, решающая доля секунды, как миг смерти.

Каким-то образом, каким-то необъяснимым, но и неотвратимым манером в этот самый миг она поняла, что эта девочка – самое страшное, что она видела и когда-либо увидит.

Она была не просто ужасной, а бесконечно невыносимой.

(И несмотря на это, ее радость была беспредельной. Потому что она наконец смотрит на ужасное. И ужасное – это девочка ее возраста. Они могли бы подружиться и вместе играть.)

Тогда она заметила, что платье от «Лакост» у девочки такое же, как то, что надела ей в то воскресенье мать, что прическа похожа на ее, что черты лица – тоже ее, что зеркало – большеющее, а рама скрывается в сумраке.

– Перепугалась из-за пустяка, – сказала, обнимая ее, прибежавшая на крик мать.

Рассвет окрашивал потолок цвета индиго в небесно-голубой оттенок. Клара несколько раз моргнула, и образы сна растворились в свете стен. Вокруг все было обычным, но внутри еще волновался ураган воспоминания из далекого детства, того «пустячного испуга» на чердаке старого дома в Альберке за год до смерти отца.

Будильник уже звенел: полвосьмого. Она вспомнила о встрече на площади Десидерио Гаоса с таинственным господином Фридманом и вскочила с постели.

Жизнь профессиональной картины приучила ее, кроме всего прочего, смотреть на сны как на непонятные указания анонимного внутреннего художника. Почему ее подсознание выкопало этот старый эпизод из жизни и снова поставило его на доску?

Возможно, это значило, что дверь чердака приоткрылась снова.

И кто-то приглашает ее войти и увидеть ужасное.

* * *

Сами по себе глаза Поля Бенуа не были фиолетовыми, но заливавший комнату свет создавал в них лиловые оттенки. Лотар Босх взглянул ему в глаза и уже не впервые понял, что нужно держаться настороже. Когда ты с Полем Бенуа, бдительность не повредит.

– Знаешь, в чем проблема, Лотар? Проблема в том, что в наше время все ценное – эфемерно. Смотри, в прежние времена прочность и долговечность были самодостаточными ценностями: возьми хоть саркофаг, статую, храм или холст. Но сейчас все ценное сгорает, изнашивается, пропадает, о чем бы мы ни говорили: о природных ресурсах, наркотиках, вымирающих видах или искусстве. Мы прошли через тот предварительный этап, на котором все, чего было мало, стоило дорого именно *потому*, что его было мало. В этом была логика. Но каковы последствия? Таковы, что на сегодняшний день, чтобы что-то стоило *дороже*, его *должно* быть мало. Мы поменяли местами причину и следствие. Сегодня мы мыслим так: «Хорошего мало. Значит, нужно, чтобы плохого стало мало, и оно будет хорошим».

Он помолчал и почти не глядя протянул руку. «Столик»

был готов дать ему фарфоровую чашку, но жест Бенуа застал его врасплох. Роковая заминка, и маленькие пальчики начальника отдела ухода за картинами стукнулись о чашку и разлили часть содержимого на блюдце. «Столик» быстро и ловко поставил новое блюдце и отер чашку одной из бумажных салфеток, лежавших на прикрепленной к талии лакированной дощечке. На свешивавшейся с правого запястья белой этикетке было написано: «Мэгги». Босх не был знаком с Мэгги, но он, естественно, не был знаком со многими украшениями. Несмотря на то что она сидела на коленях, легко было заметить, что Мэгги очень высока, пожалуй метра два ростом. Возможно, именно эта диспропорция не позволила ей стать картиной, предположил Босх.

– Купля-продажа тканых холстов сейчас уже не бизнес, – продолжал Бенуа, – именно потому, что они не изнашиваются с необходимой быстротой. Знаешь, в чем ключ успеха гипердраматического искусства? В его недолговечности. За картину, которая существует, пока длится молодость, мы платим больше и быстрее, чем за картину, которая просуществует сто-двести лет. Почему? По той же причине, по которой мы тратим в дни рекламных акций больше денег, чем обычно. Это синдром «Быстрее, а то не хватит!». Поэтому картины-подростки так ценятся. – (Со второй попытки идеальный результат, подумал Босх: «Столик» внимательно следил за движениями Бенуа, а тот, в свою очередь, помог, постаравшись аккуратно взять протянутую украшением чаш-

ку.) – Попробуй немного этого зелья, Лотар. Запах чая, вкус чая, но не чай. Но если есть запах чая и вкус чая, для меня это и *есть* чай. Только он меня не возбуждает и снимает боль от язвы.

Босх поймал тонкую имитацию фарфора, протянутую «Столиком», и посмотрел на жидкость. При мрачном фиолетовом освещении трудно было разобрать ее настоящий цвет. Он решил, что, может, цвет и вправду фиолетовый. Поднес к носу. Действительно пахло чаем. Попробовал. Вкус гадкий. Смесь взбитой миксером карамели с сиропом от кашля. Он подавил гримасу и с облегчением заметил, что Бенуа на него не смотрит. Тем лучше. Босх притворился, что пьет.

Комната, где они находились, была частью Музеумсквартир. Большой звукоизолированный прямоугольник, декорированный лампами разных оттенков фиолетового: на потолке сияли нежно-пурпурные цвета, на полу – кобальтовые, а на стенах – квадраты оттенка лаванды, так что казалось, будто фигуры плавают в аквариуме с бургундским. За исключением «Столика», других украшений не было. Дальняя часть комнаты походила на телестудию. На прикрепленных к стене панелях громоздились десять мониторов закрытой системы телевизионного наблюдения; их погашенные экраны отражали фиолетового цвета ногти. Перед ними сидели Вилли де Бас и двое его помощников, готовые начать субботний вечерний сеанс психологической поддержки. Отделение психологической поддержки подчинялось отделу ухода за кар-

тинами, а значит, прямую ответственность за него нес Поль Бенуа. Де Бас явно нервничал, ощущая за спиной присутствие шефа.

С лицом святоши Бенуа поставил чашку на блюде, облизнул губы и взглянул на Босха. Настенные лампы окрашивали его зрачки в красный цвет; лысина – словно пурпурная кардинальская шапочка, а ноги и нижняя половина брюк отбрасывали фиолетовые искры.

– Именно поэтому такие случаи, как с «Падением цветов», воспринимаются столь болезненно, Лотар: картины-подростки очень дороги. Несмотря ни на что, нам удалось заблокировать информацию в Амстердаме. Она известна лишь в верхах. Стейн ничего комментировать не захотел, а Хоффманн просто не мог поверить. Само собой, Мэтру ничего не сказали. Пятнадцатого июля – открытие «Рембрандта», и некоторые полотна еще находятся на стадии натяжки или грунтовки. Мэтра сейчас трогать нельзя. Но говорят, полетят головы. Не твоя и не Эйприл, но...

– В этом никто не виноват, Поль, – сказал Босх. – Нас просто обвели вокруг пальца. Будь это Оскар Диас или кто другой, его план был, бесспорно, хорош, нас просто обвели вокруг пальца, только и всего.

– Вопрос в том, – заметил Бенуа, протягивая чашку «Столику», чтобы тот наполнил ее снова, – что поймать его должны мы. Нам необходимо как следует допросить его, а полиция не сможет вытащить из него всю информацию. Ты по-

нимаешь, да?

– Прекрасно понимаю, и мы над этим работаем. Мы обыскали его квартиру в Нью-Йорке и гостиничный номер тут, в Вене, но не нашли ничего необычного. Знаем, что он увлекается фотографией и природой и живет один. Мы пытаемся найти в Мексике его сестру и мать, но не думаю, что они смогут рассказать что-то интересное.

– Я, кажется, слышал, будто у него в Нью-Йорке была девушка...

– Подружка по имени Брисеида Канчарес, колумбийка, окончила искусствоведение. Полиция о ней не знает, и мы предпочли не информировать их, а искать сами. Месяц назад Брисеида встречалась с Оскаром в Амстердаме. Несколько сослуживцев Оскара видели их вместе. У нее была стипендия Лейденского университета на написание работы по классическим художникам, и с начала года она временно жила там, но она тоже исчезла...

– Знаменательное совпадение.

– Безусловно. Вчера Тея говорила с ее лейденскими подругами. Похоже, Брисеида уехала с каким-то другом в Париж. Мы послали туда Тею для проверки. С минуты на минуту ждем новостей. – Босх прикинул, обидится ли Бенуа, если увидит, что он больше не пьет эту бурду. Он прикрыл чашку левой рукой.

– Нужно найти ее, Лотар, и заставить заговорить. Любым способом. Ты ведь отдаешь себе отчет в ситуации?

– Отдаю, Поль.

– Осенью «Падение цветов» должно было выставляться на Сотби. Об этих торгах говорили бы даже на спортивных каналах. Заголовки типа «голая несовершеннолетняя с молотка», «самая дорогая девочка в истории»... В общем, все эти глупости, которых полно на первых страницах газет... Но на этот раз эти глупости были бы правдой. «Падение цветов» на самом деле было самой дорогой картиной коллекции, и замены ему еще нет. Мы получали предложения, далеко превосходившие те, что когда-то приходили за «Пурпур», «Календулу» и «Тюльпан». На самом деле торги уже начались. Ты же знаешь, мы любим играть на два фронта.

Босх кивнул и притворно хлебнул еще чаю – только смочил губы.

– Ты не представляешь, сколько некоторые особы были готовы платить за месячное содержание этой картины, – продолжал Бенуа. – А кроме того, я знал, как раскрутить самых заинтересованных. Последнее время «Падение цветов» грустила, Вилли предполагал, что, возможно, у нее начинается депрессия, и мне пришла в голову мысль использовать это обстоятельство для нашей выгоды. – В глазах Бенуа блеснула гордость. – Мы распространили бы слух, что аренда картины подорожала из-за курса психотерапии. Кроме того, нельзя упускать из виду, что картине – четырнадцать лет, и ей нужно гулять, путешествовать, развлекаться, баловать себя подарками... В общем, будущему покупателю пришлось

бы содержать ее по высшему разряду, если он не хотел платить втрое больше за реставрацию. Стейн сказал мне, что это гениальный план. – Он умолк и скривил губы, одновременно щурясь в свойственной ему манере. Босх знал, что он выслушивает воображаемые похвалы. «Обожает вспоминать об успехах», – подумал он. – За два года только в счет аренды мы вернули бы полную стоимость картины. Тогда мы бы начали переговоры о ее замене, если бы Мэтр не возражал. Картина была бы уже не так молода, и мы дали бы ей отставку, но появилась бы другая. Да, арендная плата немного снизилась бы, но мы воспользовались бы трудностями с заменой, чтобы сорвать еще один хороший куш. «Падение цветов» вошло бы в историю как одна из самых дорогих картин в мире. А теперь...

Телемониторы загудели и зажглись серым светом. Начался сеанс психологической поддержки. Де Бас с помощниками готовы были выслушивать жалобы картин, у которых возникли проблемы. Бенуа, казалось, этого не заметил: он снова кривил губы, но выражение триумфа с его лица исчезло.

– А теперь все пошло к чертям собачьим, – заключил он.

Один из помощников де Баса обернулся, чтобы жестом подозвать «Столик». Кричать было бесполезно, потому что в ушах у него были заглушки. При конфиденциальных беседах в присутствии украшений заглушки просто необходимы. Изящно сохраняя равновесие, «Столик» поднялся, босиком

прошел по фиолетовому полу, неся чайник и чашки, встал рядом с де Басом и начал разливать чай. Кто же такая Мэгги, вдруг задумался Босх, из какого далекого уголка земли она попала сюда и с какими надеждами на будущее; что она делает здесь, в этой комнате, совсем нагишом, с обритой головой и заглушками в ушах, с окрашенной в цвет мальвы кожей с черными арабесками и с прицепленной железным кольцом к поясу доской? Его вопросы так и останутся без ответов – украшения ни с кем не говорили, и никто их никогда ни о чем не спрашивает.

– Хотелось бы мне знать, Лотар, – неожиданно произнес Бенуа, – имеет ли смысл нечто вроде... гипотезы о «розыгрыше». – Правой рукой он выписал слово в воздухе. – Я понятно выражаюсь?

– Ты хочешь сказать...

– Что все это... От одного слова мурашки по коже бегут... «Спектакль».

– Спектакль, – повторил Босх.

В этот миг на экранах появилось лицо «Гиацинта крапчатого», первого «цветка», попросившего о встрече с отделом поддержки. Он только что принял душ и смыл с себя краску. Гладкий череп и загрунтованная кожа без бровей и ресниц четко отпечатывались на черном фоне. Бесцветные, будто круглые стекляшки, глаза. На шее виден шнурок от этикетки.

– Буона сера⁴, Пьетро, – сердечно произнес де Бас в микрофон. – Чем мы можем тебе помочь?

– Здравствуйте, господин де Бас. – Динамики заполнил голос итальянского полотна. – Как обычно. У меня зуд от диоксацина. Не понимаю, почему господин Хоффманн обязательно хочет его использовать в индиго у меня на руках...

Внимание Бенуа было поглощено диалогом между де Басом и картиной меньше секунды. Он тут же продолжил:

– Да, спектакль. Объясняю. На первый взгляд Оскар Диас – психо-что-то, так? Он несколько раз охранял картину и при этом наслаждался мыслью о том, как ее уничтожит. Диас все хорошо планирует и решает нанести удар в среду вечером. Садится за руль фургончика, но, вместо того чтобы ехать в гостиницу, отправляется в лес. У него все готово. Он заставлял картину прочесть абсурдный текст и записывает ее голос, потом режет ее на куски и совершает какие-то свои безумные ритуалы. Все выглядит так, правильно?

– В общих чертах – да.

– Ну так вот представь себе, что все это розыгрыш. Представь, что Диас не более сумасшедший, чем мы с тобой, и что записи и садистская параферналия – всего лишь театральное представление, цель которого – запутать нас и заставить думать о некоем серийном убийце, когда на самом деле наши конкуренты *заплатили* ему, чтобы он уничтожил картину как раз перед аукционом. – Он сделал паузу и приподнял

⁴ Добрый вечер (*искаж. ит.*).

бровь. – Ты ведь был полицейским, Лотар. Как тебе эта версия?

«Дурацкая», – мысленно откликнулся Босх. К счастью, чтобы Бенуа не прочел его мыслей, не нужно было прятать левой рукой мозг, как он прятал чашку.

– Мне трудно принять ее, – сказал он вслух.

– Почему?

– Я просто не могу поверить, что кто-то смог сотворить *это* с такой девочкой, как Аннек, только чтобы сорвать нам миллионную сделку, Поль. У тебя в этом плане больше опыта, но... Ты только подумай: если б они хотели уничтожить картину, почему бы им не сделать это тысячей более быстрых способов... Даже если они хотели имитировать садизм, как ты говоришь, есть другие методы... Боже, ведь это была четырнадцатилетняя девочка. Ее разрезали какой-то... какой-то электропилой... а она в это время была *живая*...

– Это была не четырнадцатилетняя девочка, Лотар, – возразил Бенуа. – Это была картина, чья *стартовая* цена превышала пятьдесят миллионов долларов.

– Хорошо, но...

– Или ты смотришь на все с этой точки зрения, или ты полностью ошибаешься.

Босх послушно кивнул. На минуту до него донесся разговор между де Басом и «Гиацинтом крапчатым»:

– Диоксацин, Пьетро, помогает достичь более глубокого сине-фиолетового цвета.

– Вы всегда говорите одно и то же, господин де Бас... Но руки чешутся не у вас.

– Пьетро, пожалуйста, не обижайся. Мы стараемся тебе помочь. Вот что мы сделаем. Мы поговорим с господином Хоффманном. Если он скажет нам, что без диоксацина никак не обойтись, мы найдем способ анестезировать тебе руки... Только руки, что скажешь?.. Это возможно...

– Пятьдесят миллионов долларов – большая сумма, – сказал Бенуа.

Напускное спокойствие Босха вдруг рухнуло. Он перестал согласно кивать и уставился на Бенуа.

– Да, это большая сумма. Но покажи мне человека, который может сделать такое с четырнадцатилетней девочкой, чтобы сорвать нам миллионный аукцион. Покажи мне его и скажи: «Это он». И дай мне взглянуть ему в глаза и убедиться, что в них нет ничего, кроме денег, картин и аукционов. Только тогда я с тобой соглашусь.

Звон фарфора. Один из помощников де Баса ставил уже пустые чашки на выжидательно присевший на колени «Столик».

– Конечно, картину уничтожил не святой Франциск Ассизский, если ты это имеешь в виду...

– Это был садист, сукин сын! – Щеки Босха залились цветом, который лампы комнаты превращали в лиловый. – Я очень хочу поймать его, можешь мне поверить.

Последовало молчание. «Тебе ни к чему ссориться с Бе-

нуа, – подумал Босх. – Возьми себя в руки». Он уставился на мониторы, стараясь расслабиться. Картина кивала в ответ на советы де Баса. Босх припомнил, что «Гиацинт крапчатый» выставлялся, задрав правую ногу над плечом и упершись головой в ступню. Даже на долю секунды не мог он вообразить самого себя изогнутым в такой позе, но «Гиацинт» выдерживал ее шесть часов в день.

Он заметил, что Бенуа тоже смотрит на экраны.

– Боже, сколько усилий идет на уход за этими картинами. Мне иногда тоже снится, что я рву их на части.

В устах начальника отдела ухода за картинами эти слова поразили Лотара Босха. Когда рядом не было полотен и роскошных украшений, которые могли бы его услышать (у «Столика» в ушах заглушки), Бенуа крепко выражался, но на первый взгляд слабые стороны у него отсутствовали. По крайней мере, при людях он их никогда не показывал. С виду он обманчиво походил на простодушного пенсионера, которому можно доверять. Его абсолютно лысая мясистая голова была словно противострессовый шарик: смотришь, и кажется, что можно чуть нажать на нее и расслабиться. На самом деле это он выжимал твою голову, а ты об этом даже не подозревал. Босх знал, что до своего прихода в Фонд Бенуа работал частным психологом в аристократическом районе Парижа, и его прежняя профессия очень помогала в работе с полотнами. Более того, причиной быстрой смены деятельности послужил особо удачный случай из его практики. Валери

Розо, молодая француженка-полотно, которую ван Тисх использовал в картине «Пирамида», шедевре начального этапа его творчества, в один прекрасный день отказалась дальше выставляться в Стеделейке. Это спровоцировало кризис, в котором на кону оказалось несколько миллионов долларов. Валери много лет лечилась у психологов от невроза. Специалисты знали, что причина отказа выставляться кроется в ее болезни, и пытались вылечить ее. Бенуа избрал другую стратегию: вместо того чтобы пытаться вылечить невроз Валери, он убедил ее остаться в музее. Стейн сразу же предложил ему место начальника отдела по уходу за картинами.

Картинам нравилось говорить с Бенуа, особенно самым молодым. Они рассказывали о своих переживаниях этому лысому дедушке с французским акцентом и решали продолжать игру. Конечно же, все это грандиозный обман. На самом деле Бенуа был опасной личностью, по-своему опаснее, чем мисс Вуд. Босх считал, что он здесь опаснее всех.

Само собой, не считая Стейна и Мэтра.

– Они богаты, молоды, – презрительно говорил Бенуа, глядя на экраны. – Чего им еще надо, Лотар? Мне трудно их понять. У них есть одежда, драгоценности, живые украшения и игрушки, машины, наркотики, любовники... Стоит им сказать, в каком уголке мира им хотелось бы жить, и им покупают там дворец. Чего им еще надо?

– Может быть, другой жизни. Они тоже люди.

Лоб Бенуа увенчала корона морщин. Она застыла на нем

на те несколько секунд, пока Босх покорно, но вызывающе улыбался.

– Прошу тебя, Лотар, не говори мне такие вещи, когда я пью свой чайный напиток. У меня в последнее время обострилась язва. То, что дано им ван Тисхом, выше их самих и их несчастных жизней. Он дал им вечность. Они что, не понимают? Это невероятно красивые картины, самые красивые из когда-либо созданных художниками, но им этого мало: они жалуются на боль в спине, на зуд в заднице и на депрессию. Ай, Лотар, я тебя прошу.

– Я только хотел сказать...

– Нет-нет, Лотар, не гони. – Бенуа поднял руку, будто отвергая гадкую пищу. – Красота требует жертв. Ты не представляешь, чего нам стоит ухаживать за этими нежными цветочками. Не гони. Оставим этот разговор.

Он гневно протянул в воздухе чашку. «Столик» стремительно подбежал, изогнул спину, выставляя вперед живот, и подставил под чашку доску. Ему пришлось подогнуть колени так, что он чуть не уселся на пятки, потому что Бенуа еле поднял руку. Депилированный, окрашенный в цвет мальвы лобок оказался на виду у Босха.

– Хочешь еще, Лотар? – спросил Бенуа, делая украшению знак налить только полчашки.

– Нет-нет, спасибо. – Босх воспользовался случаем, чтобы оставить почти полную чашку на «Столике».

– Понравилось?

– Очень вкусно.

– Правда же? Я лично заказываю его одной парижской фирме. У них есть суррогаты почти всего, что только можно представить. Даже суррогаты суррогатов.

Последовала пауза. На экранах появился «Волшебный пурпур».

– Ты надолго в Вене, Поль? – спросил Босх, немного помолчав.

Вопрос застал Бенуа на половине глотка. Он жадно допил, качая головой.

– Пробуду ровно столько, сколько нужно. Хочу убедиться, что доступ к информации по этому делу максимально ограничен. Кстати, как оказалось, этого добиться нелегко. Только вчера, к примеру, мне пришлось выдержать приятный телефонный разговор с шишкой из австрийского Министерства внутренних дел. Такие умеют вывести из себя. Он давил на меня, чтобы добиться обнародования информации. Боже мой, что творится в этой проклятой стране с тех пор, как в прошлом веке высунула голову неонацистская партия? Со всеми событиями они обращаются так, как будто они хрустальные, все осторожничают... Всегда только и думают о том, чтоб прикрыть себе тылы... Вплоть до того, что обвинил меня, будто я подвергаю опасности население Вены!.. Я сказал ему: «Насколько я знаю, единственное, чему в данный момент угрожает опасность, – это наши картины». Идиотище! – Помолчав, он добавил: – Ну, это-то я ему не сказал.

Босх безмолвно рассмеялся – только глазами и полуоткрытым ртом.

– Польш, тебе нужны внутривенные инъекции суррогата чая.

– Не нравятся мне австрияки. Слишком уж они навороченные. Этот мошенник Зигмунд Фрейд – австриец. Клянусь тебе, что...

В дверях послышался шум, и в комнату вихрем ворвалась тощая фигура Эйприл Вуд.

– Тебе звонил полицейский, с которым мы вчера говорили? – прямо с порога спросила она Босха.

– Феликс Браун? Нет. А что?

– Я оставила у него на автоответчике сообщение, чтобы немедленно связался с нами. Сегодня на рассвете его люди нашли фургон, а нам ничего не сказали. Мне сорока на хвосте принесла. А, здравствуй, Польш. Хорошо, что приехал. Сможем посмеяться все вместе.

– Фургон? – переспросил Бенуа. – А Диас?

– И след простыл.

Эта новость заметно взволновала обоих. Какое-то время был слышен лишь разговор де Баса с пурпурным «цветком». Один из сотрудников пододвинул стул. Вуд уронила на него свое крохотное тело и закинула ногу на ногу, демонстрируя жокейские брюки и кожаные сапоги с заостренными носками. Ее закутанная в пурпурный шелковый платок тощая шея на три пяди торчала из плеч. Красный бедж на отвороте гар-

монировал с платком. Она походила на красивого мальчишку, женоподобного папиного сыночка, которого только что в третий или в четвертый раз выгнали из университета. В ней было что-то, что вызывало неприятное чувство. Это что-то таилось не в ее манере сидеть и не в ее сжатых губах, не в ее взгляде (хотя Босху она больше нравилась не в фас, а в профиль) и не в вызывающей одежде. Все составляющие Вуд по отдельности были привлекательны, но все вместе производили неприятное впечатление.

– Хочешь суррогатного чая? – предложил Бенуа, указывая на «Столик».

– Нет, спасибо, Поль. Выпей сам, он тебе понадобится. Потому что сейчас начинается самое смешное.

Босх и Бенуа взглянули на нее.

– Фургончик был в сорока километрах к северу от места, где нашли картину, его спрятали среди деревьев. Как мы и предполагали, индикатор положения дезактивирован. В задней части была окровавленная полиэтиленовая пленка. Возможно, он воспользовался ею, чтобы завернуть картину после того, как изрезал ее на куски, и так перетащить ее на траву и не измазаться. А на просеке были следы других шин – похоже, от легковушки. Конечно, там его ждала другая машина. Этот хитрый господин все очень хорошо спланировал.

– Мне больно, господин де Бас. Скажем так, мне больно. Я могу терпеть, но мне больно.

Это был голос «Орхидеи сказочной». Она говорила из

спортзала для картин в Музеумсквартир, согнувшись в классической позе натяжки: стоя на ногах, сложившись вдвое, положив руки на икры ног и держа голову между коленей. Чтобы показать ее лицо, камере пришлось разместиться за ней, почти на уровне пола. Разумеется, лицо «Орхидеи» на экране было перевернутым.

– Но тебе больно, только когда ты встаешь в позу, Ширли? – спросил де Бас.

Бенуа смотрел не на мониторы, а на Вуд. Похоже, его вдруг охватило раздражение.

– Эйприл, куда девался Диас, ради бога? Этот тип – простой охранник. Он не мог разработать такой масштабный план! Где Оскар Диас?

– Покрути глобус, Поль, и ткни пальцем. Может, угадаешь.

– Предупреждаю, в последнее время я шуток не воспринимаю.

– Это не шутка. С тех пор как он уничтожил картину, прошло несколько часов до того, как мы начали его искать. Если принять во внимание, что у него была другая машина, и добавить фальшивые документы, он может находиться сейчас в любом конце планеты.

– Ай, сейчас боль такая... ох...

– Не терпи, Ширли. Не старайся ее терпеть, потому что так мы не узнаем, насколько тебе больно... Я вижу, какие ты прилагаешь усилия... Поддайся боли. Покажи, как тебе

щее на экранах. «Столик» тоже не смотрел, но «Столик» был украшением.

– Эйприл, как следует запугайте ее, – приказал Бенуа. – Ее, а если необходимо, то и этого придурка, сына Левэна.

Вуд кивнула:

– Поль, мы их так напугаем, что они уделаются.

– Ромберг в Вене?

– Ромберг в Чехословакии по делу с фальшивками. На прошлой неделе мы обнаружили нелегальный набросок одной фигуры из «Пары» и отбили у него охоту дальше участвовать в фальшивках. Не думаю, что он заявит на нас в полицию, но дело тут деликатное.

– Ну, видишь, Ширли? Тебе *слишком* больно! Я посчитаю до трех. На «три» ты закричишь, ладно?..

– Эйприл, оставь пока в стороне фальшивки. Для нас важнее это дело.

– С каких пор ты, Поль, стал еще и начальником отдела безопасности?

– Не в этом дело, Эйприл, не в этом дело...

– Изо всех сил!.. Настоящий *вопл*, Ширли...

– Австрийская полиция ищет Диаса даже под ковром министра внутренних дел, – заметила Вуд. – Не думаю, что нужно идти на большие человеческие и денежные затраты, когда они могут сделать эту работу за нас. То, что собаки приносят добычу, вовсе не значит, Поль, что это они – охотники.

– Два...

– Ладно, будь по-твоему, Эйприл. Я только хочу...

– Три!

– АаааааааааААААААААА!!!

Странно и потрясающе было смотреть на кричащее вниз головой лицо: на вершине, под пирамидообразным крохотным лбом, – огромный слепой глаз с розовым щупальцем; у основания – две зажатые морщинами щели. Все, кроме «Столика», закрыли уши руками.

– Черт, Вилли! – воскликнул Бенуа. – Не можешь заткнуть глотку этой идиотке? Так невозможно говорить!

Вилли де Бас отодвинулся от микрофона и отключил звук динамиков.

– Прости, Поль. Это Ширли Карлони. В апреле она сломалась, и ее оперировали, помнишь? Но в порядок ее не привели.

Босх припомнил, что это слово, «сломаться», стало популярным среди сотрудников отдела по уходу за «Цветами». Оно означало самую большую проблему, которая могла возникнуть у картин: повреждение позвоночника.

– Сними ее на неделю, отмени препараты для гибкости, увеличь дозу обезболивающего и позвони хирургам, – сказал Бенуа.

– Это я и собирался сделать.

– Ну и будь добр, прикрути громкость своего замечательного динамика... О чем это я?.. Эйприл, не думай, я не хочу контролировать твою работу. Ты знаешь, до какой степени

мы тебе доверяем. Но проблема... скажем так... несколько особая. Этот придурок уничтожил не девочку, а достояние человечества.

– Я за все отвечаю, Поль, – с улыбкой произнесла Вуд.

– Ты за все отвечаешь, чудесно, и я за все отвечаю. Мы все за всё отвечаем в нашей художественной компании, Эй-прил. Если хочешь, можем так и сказать страховым компаниям: «Мы за все отвечаем». И нашим спонсорам и частным клиентам мы тоже можем это сказать: «Мы за все отвечаем». Потом устроим им обед в зале с десятью обнаженными картинами Рэйбека и пятьюдесятью изысканными украшениями в качестве столов, цветочных ваз и стульев а-ля Стейн, у них у всех отвиснет челюсть, а мы попросим у них еще денег. Но они скажут нам: «У вас изысканный интерьер, но, если агент вашей службы охраны может безнаказанно уничтожить ценную картину, кто после этого захочет страховать картины? И кто отдаст деньги, чтобы купить их?» – и будут правы.

Бенуа жестикулировал пустой чашкой. «Столик» уже давно ждал, пока он поставит чашку на доску, но увлеченный Бенуа этого не замечал. От украшения не исходило ни звука, ни жеста: оно просто присело на пятки и ожидало, сосредоточившись на поддержании равновесия. При дыхании его живот колыхался, и чайник слегка дрожал. Глядя на эту сцену, Босх почувствовал неуместное желание рассмеяться.

– Наша фирма основана на красоте, – говорил Бенуа, – но красота без власти – ничто. Представь, что умерли все рабы

и фараону приходится самому таскать каменные глыбы...

– Он бы сломался, – добродушно заметил Босх.

– Искусство – это и есть власть, – отрезал Бенуа. – В стене крепости пробита брешь, Эйприл, и ты отвечаешь за то, чтоб ее закрыть.

Он наконец вспомнил о чашке и быстрым движением поставил ее на «Столик», который ловко поднялся.

В эту минуту цвет комнаты скользнул по спектру к более глубокому пурпуру, как при появлении грозового облака.

– Я хочу знать, что с Аннек, – слышалось на английском языке с гарлемским акцентом.

Все обернулись к экранам. Даже не глядя, они знали, что это Салли. Девушка опиралась на один из «козлов» в спортзале для картин, и камера снимала ее до середины бедер. На ней были футболка и шорты. В паху шорты западали. Она смыла краску растворителями, но, несмотря на это, ее эбеново-черная кожа поблескивала темным пурпуром. Желтая этикетка, свисавшая с шеи, была исключением.

– Я не верю в рассказы о гриппе... Единственная причина, по которой снимают картины в этой дурацкой коллекции, – это ломка, и, если папаша Вилли меня слышит, пусть скажет, что это не так...

Вилли де Бас отключил микрофоны и поспешно заговорил с Бенуа:

– Поль, мы сказали картинам, что у Аннек грипп.

– Черт побери, – пробормотал Бенуа.

Салли не переставая улыбалась. Более того, она выглядела счастливой. Босх подумал, что, скорее всего, она накачалась наркотиками.

– Посмотри на мою кожу, папаша Вилли: посмотри на мои руки и сюда, на живот... Если ты выключишь свет, меня все равно будет видно. Моя кожа – передержанная клубника. Смотрю на нее, и хочется есть сливы. В таком виде я с прошлого года, и меня не снимали ни одного разочка. Или ломаешься, или выставляешься, какой тут грипп. Но ни Аннек, ни я не можем сломаться, правда же?.. Наши позы с прямой спиной удобнее, чем у большинства других. Вам повезло, так все говорят. «Ну и повезло!» – завидуют... А я скажу: как посмотреть... Это правда, другие картины после рабочего дня уносят на носилках... Нам же, напротив, завидуют, потому что мы можем ходить без боли в спине и нам не нужны имплантаты препаратов для гибкости, с которыми можно попасть в правую голень правой же ногой, так ведь, папаша Вилли?.. Но это отделяет нас от остальных, поскольку мы не относимся к официальной группе сломанных... Так что не обманывайте меня. Что там с Аннек? Почему ее сняли?

– Черт побери, – снова сказал Бенуа.

– Она может устроить скандал, – сказал де Бас, поворачиваясь к Бенуа.

– Она устроит скандал, – уточнил один из помощников.

– Что происходит, папаша Вилли?.. Почему ты молчишь?..

Бенуа возмущенно выругался и встал.

– Дай мне, Вилли. Зачем ты сказал ей эту глупость про грипп?

– А что им было говорить?

– Папаша Вилли? Ты тут?..

Бенуа быстрыми шажками подошел к де Басу.

– Эта картина стоит тридцать миллионов долларов, Вилли. Тридцать лимонов и ежемесячное содержание, о котором я лучше помолчу... – Он взял микрофон, протянутый де Басом. – И заменить ее нельзя: владелец хочет *ее*. Тут нужно действовать осторожно...

Голос Бенуа внезапно стал необычайно сладким:

– Салли? Это Поль Бенуа.

– Ух ты! – Салли вытащила указательные пальцы из карманов и поставила руки на пояс. – Сам дедуля Поль... Какая честь, дедуля Поль... Дедуля Поль всегда берет трубку, когда нужно что-то исправить, так ведь?..

«Она точно накачалась», – подумал Босх. Салли растягивала фразы, а во время пауз не закрывала до конца свой пухлый рот. Босху она казалась одной из самых прекрасных картин в коллекции.

– Именно, – ласково согласился Бенуа. – У нас тут так заведено: Вилли платят меньше, чем мне, и поэтому он говорит больше глупостей. Но сейчас вышло чистое совпадение. Я в Вене проездом, и мне захотелось прийти вас поведать.

– Ну так мой тебе совет, дедуля, не заходи в спортзал.

Некоторые цветы стали плотоядными. Говорят, что ты лучше ухаживаешь за своими собаками в Нормандии, чем за нами.

– Не верю, не верю. Ты очень гадкая девочка, Салли.

– Что случилось с Аннек, дедуля? Для разнообразия скажи правду.

– С Аннек все в порядке, – ответил Бенуа. – Просто Мэтр захотел снять ее на несколько недель, чтобы прорисовать некоторые детали.

Глупое объяснение, но Босх знал, что у Бенуа богатый опыт по обману картин.

– Прорисовать?.. Не гони, дедуля! Думаешь, я полная дура?.. Мэтр закончил ее два года назад... Если он снял ее, так потому, что хочет кем-то заменить...

– Не кипятись, Салли, так мне сказали. А мне обычно говорят правду. Никакой замены «Падению цветов» не будет еще два года. Мэтр забрал ее в Эденбург, чтобы подправить немного цвет тела, вот и все. Теоретически он может себе это позволить: «Падение цветов» еще не продали.

– Дедуля, ты говоришь мне правду?

– Салли, я не мог бы тебе соврать. Разве Хоффманн не делает с тобой то же самое? Не подправляет постоянно твой пурпур?

– Да, это так.

– Она ведется... – восхищенно прошептал один из помощников. – Ведется! – Де Бас шикнул на него.

– Почему вы сразу не сказали нам правду, дедуля? К чему эта история с гриппом?..

– А что нам было говорить? Что одна из самых ценных картин Бруно ван Тисха еще не закончена? Мне же не нужно говорить тебе, Салли, что это должно остаться между нами, хорошо?

– Я не проболтаюсь. – Салли с минуту помедлила, и что-то в ее лице изменилось. Теперь Босх не мог больше думать о картине – он видел на экране одинокую испуганную девушку. – Да, похоже, я довольно долго не увижу эту бедняжку... Мне ее немножко жаль, дедуля. Аннек – совсем кроха, у нее никого нет... Кажется, я привязалась к ней, потому что мне тоже одиноко... Знаешь, я пригласила ее в понедельник пройтись по Пратеру... Подумала, что это ей поможет...

– И ты помогла ей, Салли, я в этом уверен. Сейчас Аннек лучше.

«Цинизм три раза в день после еды», – подумал Босх.

– Когда я вернусь к господину П.?

Босх вспомнил, что «Пурпурный тюльпан» был куплен почти пятнадцать лет назад человеком по имени Перлман. Это был один из самых уважаемых клиентов Фонда. Салли была десятым дублером картины. Все ее предшественницы и она сама называли Перлмана «господином П.». В последнее время похоже было, что Салли запала господину П. в душу, и он требовал, чтоб ее не заменяли в конце года. Поскольку за содержание картины он платил астрономическую сумму,

его желания были законом. Кроме того, господин П. любезно предоставил свой «Тюльпан» для европейского турне, так что нужно было отблагодарить его за это одолжение.

– Лучше всего об этом тебя проинформирует Вилли. Даю его. Держись.

– Спасибо, дедуля.

Пока де Бас продолжал беседу, Бенуа будто снял маску под холодным фиолетовым светом стен. Он достал из пиджака платок и вытер пот, выплескивая негодование:

– Задолбали эти козлиные картины, честное слово... Гребаные фанфароны, вознесенные в категорию произведений искусства... – Он искажил голос, имитируя акцент Салли: – «Мне тоже так одиноко...» Ее вытянули из нигерского района, получает за месяц столько, сколько я в ее возрасте зарабатывал за год, и еще говорит, что ей «одиноко»!.. Идиотка!

Его слова были отмечены только хихиканьем одного довольного комарика – мисс Вуд. Ни одна шутка ни на одном языке не имела такого эффекта, но Босх неоднократно видел, как она смеялась так, когда кто-то выплескивал горькие чувства.

– Просто потрясающе, шеф, – сказал один из помощников, подняв большой палец.

– Спасибо. И пожалуйста, больше никаких баек о гриппе. Чтобы поддерживать картины в хорошем состоянии, с ними нужно обходиться очень осторожно, очень деликатно. Они накачаны, но умны. Если б мы заменяли их пораньше, то

сэкономили бы на содержании. Да уж, я предпочитаю содержать «Монстров». – Он сделал паузу и фыркнул: – С некоторых пор искусство стало безумием...

– Слава богу, что для реставрации картин у нас есть «дедуля Поль», – заметила Вуд.

Бенуа сделал вид, что не слышит. Он направился к двери, но на полдороге остановился.

– Я должен идти. Хотите верьте, хотите нет, утром мне надо на частный концерт в Хофбурге. Встреча на высшем уровне. Четыре австрийских политика и я. Восемнадцатилетний контратенор исполнит «Прекрасную мельничиху». Если бы только я мог отвертеться от этого концерта, я был бы счастлив. – И он погрозил указательным пальцем: – Пожалуйста, Эйприл, результаты.

Уже ничего не прибавляя, он еще погрозил пальцем, а потом вышел.

Зазвонил сотовый мисс Вуд.

– Колумбийка у нас, – сказала она Босху, закончив разговор.

И оба поспешно вышли из фиолетовой комнаты.

* * *

Телесный цвет. Делая на коврике зарядку для картин, она видела телесного цвета фигуру, повторяющуюся в пяти зеркалах. Зарядка состояла из странных упражнений, разрабо-

таннных для профессиональной картины: она выгибалась, куврыкалась, неподвижно застывала на цыпочках. Потом она приняла душ, съела вегетарианский завтрак, накрутила брови, ресницы, губы и выбрала хлопчатобумажный брючный костюм с молнией и ремнем с пряжкой – все телесного цвета. Телесный и светло-бежевый цвета очень хорошо шли к ее бледной наготе и светлым, почти платиновым волосам. Затем она набрала номер телефона Гертруды, хозяйки галереи «ГС», и оставила сообщение на автоответчике. Она сказала, что никак не может выставляться сегодня из-за срочного дела. Перезвонит попозже. Она знала, что немка устроит скандал, но это ее нисколько не беспокоило. Взяла сумку и ключи от машины и вышла из дому.

Она легко нашла это место. Площадь Десидерио Гаоса была в районе Мар-де-Кристалль и представляла собой пустой круг, обрамленный новыми симметричными зданиями из розового кирпича. Единственное здание без номера – восьмиэтажный офисный блок. На входных дверях из плексигласа никаких вывесок. Она позвонила, в ответ услышала жужжание. Толкнула створку двери и вошла в просторный стерильный вестибюль, пахнувший кожей кресел. Тут и там – столики с брошюрами и мягкие диваны. Голые и гладкие стены, как она сама под одеждой. Пол казался скользким. Никого не было. А, нет. В центре возвышалась стойка приемной, а на середине ее – голова. Клара приблизилась к голове. Это была молодая женщина. Ее прическа бросалась в глаза,

но самой любопытной деталью была венчавшая прическу заколка: маленькая пластмассовая рука с раскрытой пятерней; из-под пальцев выбивались пряди волос. Макияж обильный, глаз почти не видно под бежевыми тенями.

– Добрый день.

– Добрый день. Меня зовут Клара Рейес. У меня встреча с господином Фридманом.

– Да.

Девушка поднялась и вышла из-за стойки, оставив за собой шлейф духов и продемонстрировав платье из сияющего крепдешина, туфли на платформе и бархатку. Клара подумала, а не украшение ли это, но этикеток на запястьях и щиколотках не заметила.

– Сюда.

Они вошли в короткий коридор. Пол был аккуратно выстлан ковровином, поглощавшим шум шагов, и, пока они шли, царила странная тишина. Новая дверь. Тихий стук. Открылась. Кабинет со стенами цвета кожи здорового младенца. В углу свежие орхидеи. Господин Фридман стоит посреди этой мирной вселенной. По обеим сторонам стола – два белых кресла, одно без спинки, но Фридман не предложил ей сесть. Не поздоровался, не улыбнулся, ничего не сделал и не произнес. Тишина была ужасной – такая сопровождает дурные известия. Когда девушка оставила их одних, Клара и Фридман поглядели друг на друга.

Станный тип. Опрятный костюм на шерстяной основе,

шелковый галстук и рубашка с итальянским воротом, все на тон темнее, чем одежда Клары. Но лицо его было плохо прорисовано: одна половина не соответствовала другой. В день, когда Бог собирал господина Фридмана, у Него дрогнула рука. Фридман ничего не говорил и стоял так неподвижно, что Клара уже было решила, что перед ней – восковая фигура, а сам Фридман скоро выйдет из какой-нибудь двери. Но в этот момент он шевельнулся. Обернулся и молниеносно схватил бумагу и ручку, лежавшие на столе, до этого скрытом его телом. Он, как щипцами, взял бумагу двумя тощими пальцами и поднял ее на высоту плеча.

– Начнем с этого. Прочитайте внимательно. Тут шесть статей на ваше имя. Если согласны, подпишите. Если нет, убирайтесь. Если есть вопросы, спрашивайте. Понятно?

– Вполне, благодарю.

Их разделяло три метра, но Фридман не сделал попытки приблизиться. Он стоял рядом со столом, держа бумагу на весу. Кларе на ум пришел дрессировщик дельфинов, держащий рыбку перед своим подопечным. Она вздохнула, подошла к Фридману и взяла бумагу. Затем отошла в сторону, чтобы прочитать.

Это было нечто вроде контракта. На грифе бланка рисунок: рука на бедре, нога на руке, локоть на ноге, все вместе образует светло-бежевую звезду. Клара сразу его узнала. Это была эмблема «F&W», одной из лучших мастерских грунтовки наряду с «Леонардо» и «Дубль И». Она не знала, что

у них есть офис в Испании, и, судя по выглядевшему совершенно новым зданию, скорее всего, они обосновались здесь совсем недавно.

Она почувствовала прилив безграничной радости. Ее никогда не грунтовали в «F&W» (или в «Леонардо», или в «Дубль И»), потому что это очень дорого и большинство писавших ею художников не могли бы позволить себе такие расходы. Шальбу и Brentano – да, могли бы, но у них свои грунтовочные мастерские. Вики отдала ее в грунтовку только однажды, для перформанса «Белая королева», в испанскую фирму «Хризалида». Гэмайю тоже обратился в «Хризалиду». Все остальные писали ею без грунтовки. Однако без грунтовки обойтись никак нельзя, если хочешь написать картину высшего класса. Тот факт, что нанимавший ее художник выбрал «F&W», еще больше укрепил уверенность в том, что это кто-то очень важный.

Шесть статей, обычных для любой мастерской грунтовки. Она – полотно Клара Рейес Пихван с таким-то порядковым номером в международном реестре полотен. «F&W» – грунтовщик. Грунтовщик не несет ответственности за халатное поведение полотна. Полотно пройдет все необходимые, по мнению грунтовщика, пробы. Полотно проинформировано, что некоторые из проб связаны с физическим и/или психическим риском или могут задеть его этические убеждения, затронуть привычки или привитые воспитанием понятия. Грунтовщик во всех отношениях считает полотно «ма-

териалом для живописи». Из понятия «материал для живописи» исключаются все вещи, связанные с полотном, но не являющиеся им, как то: одежда, дом, родственники и друзья. Однако в это понятие входит все, что является полотном: его тело и все содержащееся в нем. Перед началом грунтовки полотно будет застраховано. Внизу место для двух подписей. Фридман расписался от имени «Грунтовщика». Клара взяла ручку, положила бумагу на стол и направила кончик стержня к пустому месту с надписью: «Полотно». Но, когда она коснулась бумаги, Фридман почему-то остановил ее:

– Мне бы хотелось, чтоб вы знали: художник дал нам право забраковать материал, если, по нашему мнению, он не соответствует определенному уровню качества.

– Не понимаю.

На асимметричном лице Фридмана появилось раздражение.

– Предполагается, что вы меня слушаете.

– Простите, – ответила Клара.

– Скажу по-другому. Попроще. Так, чтоб вам было понятно.

– Спасибо.

Клара не обижалась. Она знала, что Фридман будет обращаться с ней с полнейшим презрением, такая уж у него профессия: грунтовщики видели в полотнах не людей, а простые предметы с отверстиями и формами, с которыми можно работать.

– Грунтовка будет тяжелой. Если вы не соответствуете нашим параметрам качества, мы не возьмем вас.

– А...

– Подумайте. – Фридман пробежал пустым взглядом по затянутым в костюм худым рукам Клары. – Кажется, вы не очень выносливы. У вас слишком хрупкое сложение. Зачем вам терять время самой и заставлять терять время нас?

– Я прошла через очень тяжелые грунтовки. В прошлом году, с Brentano...

Фридман прервал ее с недовольной гримасой:

– У нашей грунтовки нет ничего общего с венецианской школой, с экстримом или с «грязными» картинами... Простите, но здесь не будет кожаных капюшонов, хлыстов или оков. Это мастерская профессиональной грунтовки. – Он выглядел оскорбленным. – Мы берем только материал высшего сорта. Даже если вы сейчас подпишете этот документ, мы можем от вас отказаться завтра, послезавтра или через пять минут. Мы можем отказаться от вас, когда нам придет в голову и без объяснений. Возможно, мы заставим вас пройти весь процесс грунтовки, а потом от вас откажемся.

– Понятно, – спокойно сказала Клара.

Но спокойствие ее было наигранным. На самом деле ее колотило всю, до костей. Однако испытывала она не страх и не раздражение, а желание помериться силами с Фридманом. Ее раззадоривал брошенный вызов. Волнение было так сильно, что она испугалась, что Фридман его заметит.

Последовала пауза.

– Лучше не подписывайте, – произнес Фридман. – Это совет.

Клара посмотрела вниз, на бумагу.

И вывела закорючку.

Асимметричное лицо Фридмана странно скривилось (обрадовался? раздосадован?). Что ни говори, это один из самых уродливых типов, которых Клара когда-либо видела. Однако в ту минуту в ее глазах Фридмана окружал некий притягательный ореол загадочности.

– Потом не говорите, что вас не предупредили.

– Не скажу.

– Садитесь.

Клара опустилась на кресло без спинки, а Фридман сел и облокотился на стол. У него был странный нейтральный акцент, будто он не испанец, но и не иностранец, нельзя было разобрать, откуда он – возможно, отовсюду сразу. Он выговаривал испанские слова с четкостью компьютера. Не улыбался, но и абсолютно серьезным тоже не был.

– Сейчас четверть десятого, – объявил он, не глядя на часы. – С этой минуты у вас есть восемь часов, чтобы уладить свою жизнь по вашему усмотрению. В четверть шестого вы должны снова явиться в это здание. Предварительно можете принять душ, но никакого макияжа, кремов или духов. Оденьтесь как хотите, однако предупреждаю: вся ваша одежда и личные вещи будут уничтожены.

– Уничтожены?

– Это норма «F&W». Мы не хотим нести ответственность за принадлежащие вам вещи, потому что потом начинаются претензии. «F&W» не собирается возмещать вам ущерб за утраченную одежду или вещи, так что не приносите ничего ценного. Точнее, ничего такого, что вам будет жаль *утра- тить*. Я ясно выразился?

– Да.

– Все остальное, то есть вас, мы сфотографируем и запишем на видео, чтобы оформить страховой полис. После завершения этих формальностей ваше тело станет материалом «F&W» до окончания грунтовки. Вы не сможете вернуться домой, куда-либо пойти, с кем-либо связаться. Если все пройдет хорошо, процесс будет завершен через три дня. Тогда – при условии, что мы будем удовлетворены качеством, – мы передадим вас художнику. Если нет – снимем с вас грунтовку и вернем домой.

– Хорошо.

– Если вы будете нарушать нормы, высказывать свое мнение, личные пожелания, если вы каким-либо образом станете мешать нанесению грунтовки или начнете действовать самостоятельно, мы будем считать контракт недействительным.

– Вы хотите сказать, что мне нельзя будет говорить?

– Я хочу сказать, – ответил Фридман с довольной ухмылочкой, – что если вы и дальше будете задавать вопросы, я

аннулирую контракт.

Клара промолчала.

– С вашей стороны мы не принимаем никаких вопросов, мнений, пожеланий или ограничений. Вы – полотно. Чтобы создать долговечную картину, художник должен начинать работу с полотном с нуля. Наша специализация в «F&W» – *превращать* полотна в *нуль*. Полагаю, я ясно выразился.

– Вполне.

– Обычно мы работаем поэтапно, – продолжал Фридман. – Всего четыре стадии: кожа, мышцы, внутренности и мозг, каждой стадией управляют соответствующие специалисты. Я займусь первой. Проверю состояние различных слоев вашей кожи, выраженность естественных и неестественных пигментных пятен, отверделостей и областей шелушения. Проверю, можно ли вас писать изнутри. Вас когда-нибудь писали изнутри?

Клара кивнула.

– Глазное дно оптическим карандашом и полость рта, – пояснила она и добавила: – И конечно же, пупок, половые губы и анус.

– Под ногтями?

– Нет.

– В ушах? Я имею в виду не наружное ухо, а слуховой канал?

– Нет.

– В ноздрях?

– Тоже нет.

– Внутреннюю сторону век?

– Нет.

– Почему вы улыбнулись?

– Простите, я не представляю, для чего нужно писать внутри уха или носа...

– Это свидетельствует о недостаточном опыте, – сказал Фридман. – Приведу пример. Ночное наружное полотно, все тело окрашено в черный цвет, и капли сверхинтенсивного фосфоресцирующего красного на барабанных перепонках, внутри ноздрей, на внутренней поверхности век и мочеиспускательного канала для достижения эффекта, будто модель горит изнутри.

Он был прав, и Клара подсадовала, что продемонстрировала свое невежество.

– Влагалище, мочеиспускательный канал, прямая кишка, слезники, сетчатка глаза, волосяные фолликулы, потовые железы, – перечислил Фридман. – Любую часть тела полотно можно окрасить. Современные приемы позволяют также высверлить внутреннюю часть зубов, окрасить корни, а затем, когда полотно сменят, восстановить все в первоначальном виде. Тело может превратиться в коллаж. В очень жесточайших арт-шоках иногда окрашивают вены и кровь, чтобы получить красивый эффект при ампутации. А на последних стадиях «грязной» картины могут окрашиваться внутренности после, а иногда даже в процессе потрошения: мозг, пе-

чень, легкие, сердце, молочные железы, тестикулы, матка и плод, который может в ней находиться. Вы знали об этом?

– Да, – прошептала Клара, подавляя дрожь. – Но я никогда не делала ничего подобного.

– Я знаю, но мы не знаем, что с вами *в действительности* сделает этот художник. Мы должны быть готовы ко всему, ожидать всего, предоставлять все возможности. Понятно?

– Да.

Кларе было трудно дышать. Рот ее открылся, а обесцвеченные растворителями щеки покраснели. Перечисляемые Фридманом возможности казались ей не страшнее ее собственного решения согласиться на них, позволить сделать с собой все, что захочет художник. Разгадка, несомненно, крылась в гениальности. Кто-то когда-то сказал ей, что Пикассо был настолько гениален, что мог делать что угодно. Клара была уверена в том, что такому, как Пикассо, она позволила бы сделать с собой именно *что угодно*.

Она задумалась. *Что угодно?*

Да. Без оговорок.

Но пожалуй, художнику нужно быть чуть получше, чем Пикассо.

– Вы уже раскаиваетесь, что подписали? – спросил Фридман, неправильно истолковав ее выражение лица.

– Нет.

На минуту взгляды грунтовщика и полотна скрестились.

– Если у вас есть вопросы, задавайте их сейчас.

– Какой художник будет мной писать?

– Этого я не могу вам сказать. Еще вопросы есть?

– Нет.

– Значит, ждем вас здесь ровно в четверть шестого.

Восемь часов на улаживание всех дел – это слишком много, подумала Клара. По крайней мере, ее дела были очень просты: жизнь состояла из работы и досуга. Для улаживания дел на работе нужно было лишь позвонить Бассану; что касается досуга, понадобится один звонок Хорхе. Мало того, вернувшись домой, она обнаружила, что Бассан оставил ей сообщение на автоответчике. Голос был не то чтобы очень серьезный, но и не такой дружелюбный, как обычно. Гертруда позвонила ему, чтобы сказать, что Клара не выставялась сегодня, и художник просил объяснений. «Ты можешь делать все, что угодно, Клара, но предупреди меня заранее». Она понимала, что срывает ему планы, но ее немного раздражал этот упрек. Она набрала его номер в Барселоне. Отозвался автоответчик.

– Алекс, – обратилась Клара к тишине, – это Клара. Прости, у меня выплыла важная работа, и я не смогу дальше выставяться в «Девушке с зеркалом». В любом случае в «ГС» нам оставалась только неделя. Кроме того, если я не ошибаюсь, у тебя там уже был дублер... Мне правда жаль, что у тебя могут возникнуть проблемы, но ничего поделывать я не могу. Счастливо.

Затем она продумала звонок Хорхе. Когда она точно решила, что скажет, то набрала номер на сотовом – и попала на голосовую почту. Кларе показалось, что жизнь ни с того ни с сего превратилась в диалог между нею и тишиной. Пришлось оставить еще одно сообщение.

– Хорхе, это Клара. Мне придется уехать на несколько дней по работе. – Пауза. – Кажется, интересной. – Пауза. – Очень интересной. Я перезвоню тебе позже, если смогу. Целую.

Было чуть больше половины одиннадцатого, а веки казались тяжелыми каменными глыбами. Клара выдвинула складную кровать в спальне, разделась и бросилась на простыни. Необходимо было восполнить краткий ночной отдых. Она поставила электронный будильник на два часа и сразу же заснула. Приснилась ей не Альберка и не отец, а наружная картина, в которой ее написал Гутьеррес Регеро три года назад, «Древо познания». Но, проснувшись, она полностью забыла свой сон. Встала, побежала в ванную и отдалась на волю текущему из душа граду. Послушавшись указаний, после душа она не воспользовалась никаким кремом. Посмотрела в зеркало на свое голое тело и попрощалась с ним: она знала, что видит его в естественном виде в последний раз. Потом, завернувшись в халат, прошла в столовую, поставила диск с очень легким джазом и, укачиваемая темной мелодией, принялась обследовать шкафы.

Проблема в том, что все, что у нее было, ей нравилось.

Походы за одеждой и аксессуарами были одним из любимых Клариных развлечений. Заявление Фридмана, что все, что она наденет, будет уничтожено, казалось малозначительным, но теперь, глядя на свой красивый и дорогуший гардероб, Клара замялась. Тут были вещи от Ямамото, Стерна, Чессаре, Армани, Балмейна, Шанель... И дело даже не в потраченных деньгах, а в наслаждении мягкостью тканой плоти. Каждое платье, каждый костюм был для нее наделен собственной индивидуальностью. Они – словно новые милые друзья. Она не могла такого с ними сделать.

А если выбрать спортивный костюм, в котором она ходила на работу? Но, взглянув, как он лежит на кровати, плоский и послушный, с пустыми рукавами, ожидая Клару, чтобы заключить ее в объятия, она поняла, что это все равно что отправить на нежданную казнь старого верного пса, члена семьи.

Значит, в шкафах делать нечего. Она влезла на стул и обшарила антресоли. К несчастью, она не держала у себя старую одежду, но хранила некоторые зимние вещи, и первым обнаружила костюм из темного бархата и свитер с высокой горловиной.

Она вспомнила, когда надевала этот костюм в первый раз. Кошачья мягкость бархата вызвала внезапное видение.

Вики.

Вики была молода, максимум на год старше Клары, красива, худощава, с короткими соломенными волосами, нарко-

манка и гений. За короткое время она стала самой значительной гипердраматической художницей в Испании. Благодаря стипендии она продолжила обучение в Англии у Рэйбека и в амстердамском Фонде ван Тисха у Якоба Стейна. Она даже слышала оракул из уст самого Мэтра, лично. Она не только признавала свое лесбиянство: она размахивала им, будто флагом. В своих картинах Вики выявляла маргинализацию гомосексуалов или высмеивала женщин и мужчин, зажатых «классовым, римским и ватиканским обществом, пародией на то, что когда-то пытались создать греки». Две ее главные любовницы были англичанками, блестящие прекрасные картины – Шеннон Коллер и Синтия Бергманн. В начале 2004 года она выбрала Клару для интерьерной картины с Йоли Рибо, которую собиралась назвать «При`сядь». Вечер их знакомства был серым и промозглым. Клара выбрала для визита в коттедж художницы в Лас-Росас этот недавно купленный бархатный костюм. Вики встретила ее в запачканной красками рубашке и провела в свою мастерскую на верхнем этаже. В углу вздымала нагое тело на носочки стройная светловолосая девушка-эскиз, на которую вылили целые банки краски. В доме было несколько незаконных украшений, почти все – непристойные. Созданный в Лондоне «Стол»-мужчина подал им чай, печенье и сигареты с марихуаной; японская «Игрушка», тоже мужского пола, с окрашенным в красный хинакридон телом предлагала более волнующие вещи, но Кларе не хотелось с ним играть, несмотря на то что Вики

настойчиво хотела отдать его ей.

– Мне он ни к чему, – пояснила Вики, – но это подарок. Если хочешь, возьми себе.

До того как начать разговор о картине, Вики провела свой классический быстрый допрос:

– Твой знак зодиака?

– Овен, – ответила Клара. – Я родилась шестнадцатого апреля.

– Отношений не получится. – И Вики царапнула воздух аккуратными ноготками: – Я – Лев.

Но отношения получились, по крайней мере сначала. Вики поделилась с ней задумкой для «Присяди». Окрашенные в телесный цвет Йоли и Клара должны были сидеть с нежным выражением лица на лесах на высоте шести метров. Картину заказали для перегруженного картинами особняка в Провансе. Вики пришла в голову идея выделить свою картину, расположив ее над другими, на потолке. Они должны были провести там месяц, а потом, возможно, выставляться и постоянно. Это потребовало бы больших усилий и качественного ухода, но просто озолотило бы их троих. «Как красиво все расписывает», – подумала Клара. Она согласилась на эту работу, и на следующий день Вики приступила к подготовке эскиза.

Через две недели после их первой встречи во время одного из сеансов что-то произошло. Вики очерчивала ее силуэт и мягко скользила перепачканной в краске телесного цвета

рукой по окружности ее бедра. Когда она дошла до коленки, Клара заметила перемену в нажиме, затянувшееся молчание, неподвижность, ощущение щекотки на окрашенной коже.

– Клара, тебе нравятся женщины? – вдруг как ни в чем не бывало спросила Вики.

– Некоторые нравятся, – так же спокойно ответила Клара. Она сидела в студии Вики на корточках, нагишом, наполовину окрашенная в разные тона. На Вики была рабочая одежда: грязная расстегнутая рубашка и спортивные штаны.

Рука не тронулась с колена.

– У тебя что-то было с женщинами?

– Ага, – подтвердила Клара и добавила: – И с мужчинами. Для картины это было нормально, и обе они это знали. Картине легко любить другое тело, каким бы оно ни было: преграды стирались, границы исчезали.

– Ты бы занялась любовью со мной? – спросила тогда Вики.

Кларе понравился легкий шепот и гармоничный румянец Вики.

– Да, – согласилась она.

Вики взглянула на нее и продолжила работу. Ее рука аккуратно двигалась, распределяя телесную краску по контуру колена. Клара так и не поняла, когда все произошло. Только что было искусство, техника и жест художника; и тут же – чувство, прерывистое дыхание, объятие любовницы. И мажок вдруг превратился в ласку.

Позднее, когда отношения между ними уже закрепились, Вики упрекала ее в том, что она ответила ей так спокойно. Она использовала этот аргумент против нее, когда обижалась. «Ты сказала „да“, как будто я предложила тебе спуститься ночью на парашюте. Сказала „да“, как будто я пригласила тебя познакомиться с лауреатом Нобелевской премии по физике. „Давай попробуем“ – так ты сказала. В твоих словах не было настоящей любви и искренности». «Настоящей любви не было, – парировала Клара, – искренность была». «Ты бесчувственная», – отрезала Вики. «Я стараюсь скрывать чувства: я – картина, – ответила Клара. И добавила: – А ты – художница и не можешь их скрывать. Ты даже выдумываешь их, когда их нет».

Картина «Присядь» стала выставляться в Провансе постоянно. Тяжелое время: у них было всего лишь несколько часов на отдых, еду и восстановление сил, а потом они возвращались на леса. Время на перерыв колебалось, поскольку зависело от распорядка дня покупателя, визитов, которые ему наносили, и приемов, которые он организовывал. Уход за картиной был отличным, но, несмотря на это, к концу обе фигуры вымотались. Однако у Клары сохранились самые теплые воспоминания об этом времени. В том же году Вики написала ей еще пять картин, первые – в паре, а остальные – в одиночку: «Поцелуй», «Мгновение», «Вдвойне или ничего», «Нежности» и «Черное платье». Вне работы ее увлечение Кларой не прекращалось: она звонила ей утром, но-

чью, плакалась у нее на плече, ни с того ни с сего рассказывала подробности о холодности своего отца (он был хирургом) или равнодушии матери (университетской преподавательницы) к ее карьере живописца. В зависимости от настроения она то считала себя «сраной папиной дочкой», то незаслуженной жертвой «брака двух пижонов». Но, когда она бралась за работу, всему приходил конец. В постели она могла быть легкоранимой душой, но с перепачканными в краске руками превращалась в огненное создание, способное писать грандиозные вещи на женском теле. Однако Вики-человек и Вики-художница не были отдельными личностями. В то время как Вики-человек влюблялась в модели, служившие ей полотнами, Вики-художница пользовалась этой любовью как инструментом для живописи. Любопытное свойство – но Клара не знала, происходило оно из ее темперамента или из ее манеры работы.

2004 год был годом Вики, по крайней мере для Клары: горный поток, от которого можно либо бежать, либо отдаться на волю течению. Она принадлежала к тем людям, которые чем ярче светят, тем быстрее сходят на нет, как свечи. Хуже всего была ее ревность. Но в ту пору для ревности даже не было причин. Клара бросила Габи Понсе, своего первого парня и первого художника, и жила одна на верхнем этаже дома по улице Августа Фигероа. Со своими подругами Александрой и Софией Люндель, с которыми она иногда разделяла постель, она тоже уже не встречалась. А с Хор-

хе Атьенса Клара еще не познакомилась. Однако Вики выдумывала не только чувства, но и причины для них. Однажды вечером она устроила сцену в ресторане, где они ужинали вместе, из-за одной итальянской художницы, которая пригласила Клару работать в арт-шоке с еще тремя полотнами-женщинами. Вики сказала, чтоб она не соглашалась, а когда Клара проигнорировала ее, швырнула на пол приборы и оттолкнула метрдотеля, который, как добрый пастырь, заботливо подбежал, чтобы успокоить свое стадо. Несколько часов спустя она позвонила Кларе, чтобы помириться: «Я слишком много выпила, прости меня. – И без всяких предисловий слово взяла Вики-художница: – Я хотела сказать, что твое лицо сегодня, в ресторане... Боже мой, твоя бледность, когда я на тебя кричала... Клара, пожалуйста, позволь мне *использовать* эту бледность... Ты такими глазами на меня сегодня смотрела...»

Она вдохновилась. Через три недели была готова новая картина. Окрашенная в цвет слоновой кости с небесно-голубыми оттенками Клара должна была лежать на животе на бархатном одеяле – из такой же ткани, как костюм, который был на ней в вечер их знакомства, – и лицо ее должно быть по-настоящему бледным от огорчения. Вики хотела назвать картину «Нежности». Во время гипердраматической репетиции они разыграли по памяти сцену ссоры в ресторане. Художница хотела словить ту мимолетную бледность на ее щеках, но Кларе не очень-то нравилось смешивать искусство с

реальной жизнью. В конце концов Вики по-настоящему рассердилась и начала кричать и оскорблять ее. Вдруг на полуслове она остановилась и кинулась к Кларину лицу. «Вот! Снова твоя бледность! Вот что я ищу!» – безудержно восклицала она. И за дело взялась Вики-художница.

Однажды Клара упрекнула ее в этом чрезмерном злоупотреблении реальными чувствами для работы над картинами. Вики странно усмехнулась.

– Ради искусства я бы сделала все, Клара, – сказала она. – Все, что угодно. Кроме искусства, мне все до лампочки: и чувства, и справедливость, и Бог, и семья, и здоровье, и любовь, и деньги... Ну, – задумалась она, – может, деньги и нет. Деньги не до лампочки. Искусство и есть деньги.

«Нежности» купил мадридский коллекционер, заплатив вдвое больше реальной стоимости картины. Клара выставилась у него дома целый месяц.

В начале 2005 года Вики пробовала покончить самоубийством, приняв большую дозу героина, но было это не из-за Клары, а из-за нового предмета ее страсти, Елены Валеро, с которой Клара работала в «Мгновении». В тот день, когда она попала в отделение интенсивной терапии больницы «Ла-Пас», пришло известие о том, что Фонд ван Тисха наградил ее премией имени Макса Калимы за все ее работы. Вики приняла благую весть из уст медсестры, ничего не соображая в волнах кислорода. Когда она оправилась, то сказала, что смогла восстановить и душевное равновесие. Она заплани-

рвала на конец года новую картину с Кларой, но звонила ей уже не так часто, как раньше. После «Клубники» они больше не виделись. Клара не знала, каковы были ее чувства: была она влюблена в Вики или просто восхищалась ее гениальностью? Ясно было только, что она хотела забыть художницу – и не могла. Иногда она видела себя лежащей на бархате в гостиной коллекционера, купившего «Нежности» – левое колено прижато к животу, пятка указывает на лобок, глаза закрыты, а лицо искажено той самой «бледностью от огорчения», которую смогла вытянуть из нее Вики, – и думала, что единственный след, оставленный художницей после исчезновения из ее жизни, – это мягкость бархата и обескровленные щеки.

Клара сняла костюм с антресолей и положила его на кровать. Потом нашла другой: бежевый свитер и брюки – который больше напоминал ей о Хорхе, потому что она носила его в первые дни их знакомства.

На минуту она засомневалась, осматривая вещи инквизиторским взглядом (Вики или Хорхе? Хорхе или Вики?), и решила обречь на уничтожение Вики Льедо. По дороге ей будет жарко, но это не важно.

Было почти три часа, когда она вспомнила, что нужно поесть. Клара симпровизировала салат и пару сэндвичей и съела, запив минеральной водой.

Потом, поскольку еще оставалось время, решила подготовиться к тому, что ее ожидало. В ванной она перевернула

свою небольшую аптечку с химикатами, выбрала пару мышечных тонизаторов в таблетках и пилюлю, которая задержит проявление физиологических потребностей, и запила их последним глотком воды. Затем сняла халат, пошла на кухню и принесла солонку, в ящике в столовой нашла маску для сна в самолете и несколько гантелей с накручивающимися дисками и принялась делать на коврике новые, непохожие на утренние упражнения: неподвижно стояла на носочках, намазав язык солью, с завязанными глазами ходила по всему дому, сворачивалась в комок и удерживала гантели той частью тела, которая оказывалась наверху. Эти упражнения подчиняли ее волю, не ломая ее, помогали ей чувствовать себя слепой вещью, чем-то, что можно использовать и лепить на свой лад. Она привыкла к такой подготовке еще во время пребывания в «Зе Сёркл». Благодаря ей Клара смогла выдержать работу Брентано.

Без четверти четыре она надела через голову свитер телесного цвета, натянула бархатные штаны и пиджак и обула старые сандалии из самого древнего прошлого. Взглянула на себя в зеркало. Ничего из одежды ей не шло: Клара выглядела как красивая девушка, выряженная словно пугало, и именно так ей и хотелось выглядеть.

Особенно ее беспокоили последние мелочи, о которых она не подумала. Что делать с ключами от дома? С собой взять нельзя. Вторые ключи у Хорхе, но зависеть от него, чтобы по возвращении попасть в дом, не хотелось, когда это

ни случится. Соседям Клара не доверяла, а консьержа в доме не было.

Тогда она просто решила ничего не делать. Казалось логичным закрыть за собой дверь, не имея возможности снова попасть назад. Клара заказала такси по телефону, подсчитала, сколько нужно будет заплатить, и засунула деньги в карман пиджака.

Вот тут-то она и обнаружила брелок.

Она поняла, что надела костюм, не проверив карманы. Старая одежда превращается в небольшое кладбище воспоминаний. И там, в одном из боковых карманов, был похоронен брелок ее отца. Она долгое время пользовалась им с той самой самоотверженной преданностью, с которой люди относятся к предметам, когда-то принадлежавшим усопшим. Когда брелок сломался, ей пришлось повесить ключи на новый. Она не помнила, что он делал в этом кармане и почему она до сих пор его не выбросила. Может, из-за сентиментальных воспоминаний. Смешно.

Брелок был в виде шахматной королевы, подарок от клуба, в котором играл Мануэль Рейес. Ее отцу страшно нравились шахматы, и брат унаследовал от него страсть к этому сдержанному хобби. Фигурка была черного цвета. «Это Королева семейства Рейес⁵, – говаривал отец (Клара неожиданно вспомнила об этом). – Мне дали черную, потому что она из стана проигравших».

⁵ Фамилия «Рейес» по-испански означает «короли».

На минуту она задумалась, не спасти ли брелок. Но потом снова засунула в карман. «Сожалею, ваше величество. Если уж вы тут были, тут вы и останетесь».

Одетая в костюм Вики, обутая в подростковые сандалии, с отцовским брелком в кармане Клара вышла из квартиры и захлопнула дверь.

Когда она спустилась на улицу, появилось странное ощущение. Настолько сильное, что она вынуждена была посмотреть по сторонам, чтобы убедиться, что оно ошибочно. Казалось, за ней следили. Возможно, просто казалось.

Стоял вечер четверга, 22 июня 2006 года. Солнце светило телесным цветом.

* * *

Проснувшись, Брисеида Канчарес увидела пистолет. С такого близкого расстояния оружие казалось железным гробом, приклеенным к ее виску. Палец на курке был увенчан окрашенным в зеленый виридиан ногтем. Она проследила за обнаженной рукой и обнаружила блондинку. Это была та самая кошка с изумрудными глазами и крохотным платьем цвета хаки, которая просила у Роже огоньку у Рокантепов. Это произошло, когда они рассматривали картину «Невидимая орбита» Элмера Фладда, и охранник был вынужден подойти и предупредить: «Здесь не курят, мадемуазель. Дым раздражает глаза картин и вызывает у них кашель». Возвраща-

щая зажигалку, она многозначительно улыбнулась Роже. Потом затерялась в толпе, и Брисеида больше ее не видела.

До этого момента.

На блондинке было то же платье, и улыбалась она так же. Только добавился пистолет. Наводя на нее ствол, блондинка одновременно прижимала палец к губам («Молчи», – перевела Брисеида) и делала ей знаки («Вставай»). Ей показалось, что это какой-то сон, и она повиновалась, потому что ей нравились сны, от которых захватывало дух. Она откинула простыню и села. Прижатый к виску ствол двигался вместе с ней, ни на миг не отклоняясь, будто голова у нее железная, а пистолет намагничен. Она медленно развернулась и с точностью лунного корабля опустила кончики ступней на прохладный ковер в квартире Роже. Она была совершенно голой и почувствовала холод. Было еще темно (точное время она узнать не могла, будильник стоял на стороне Роже), а свет исходил от прикроватной лампы. Она вспомнила, что легла очень поздно, разделив с Роже вздохи и возню (рот у него с привкусом выдержанного шампанского и бархатистой сигары, а язык – как зеленый ковер марихуаны), до того как ночь завернула их в одеяло опьянения и...

Кстати.

Где Роже?

Роже она увидела на другом конце комнаты. Он сидел, и из одежды на нем был только перстень на левом мизинце. Перстень этот несколько раз вытатуировал след на ягодицах

Брисеиды, но он сказал, что не может его снять. Это плохая примета. Он заполучил этот перстень в каком-то далеком уголке Бразилии, ловко стащив его у какого-то шамана, хранителя тайн. Крохотный изумруд выступал из оправы, как капелька гноя цвета зеленой сельвы. Кольцо обладало великим могуществом, хотя Роже толком не знал, в чем оно заключалось. Он утверждал, что таких драгоценностей в мире только пять или шесть. Невероятный человек этот Роже. Конечно, немного сволочь, но Брисеида не знала людей, у которых было бы столько денег и которые не были бы при этом немного сволочами.

Однако в ту минуту казалось, что даже магия перстня не в силах ему помочь. Тиски в форме руки вцепились в его челюсть так сильно, что щеки раздулись. Рука оканчивалась роскошной женщиной того же типа, что и блондинка, но еще шикарнее, из тех, что Роже обычно трахал только по выходным, она впечатывала ему в горло серебристый военный пистолет. Под давлением ствола кадык выдавался наружу. На женщине были штаны и куртка цвета карточного сукна, платок и берет оливкового цвета и фисташковые перчатки. Одна нога находилась между ног Роже (наверное, колено давило ему на член, и этим и объяснялось выражение отчаяния на его лице), другая прочно упиралась в пол в стойке стрелка. Но смотрела она не на Роже, а на Брисеиду, будто дальнейшие действия зависели именно от нее. Такой взгляд забыть нелегко. Такие взгляды, подумала Брисеида, обычно видишь

за секунду перед тем, как перестаешь видеть вообще.

Но, несмотря на это, ей пришлось признать, что макияж и смесь зеленых оттенков (штаны-куртка, перчатки-берет, глаза-тени) просто совершенны. Паравоенный показ мод! Терроризм прет-а-порте! Что мешает спецподразделениям полиции, армии или черт знает какого еще немыслимого вооруженного дерьма идти в ногу с последней модой? – пронеслось в голове у Брисеиды.

Блондинка понукала ее встать. Она вопросительно взглянула на Роже, который шевельнул рукой, словно говоря: «Иди, иди, не бойся», и поднялась с постели, не сводя глаз со всех присутствующих.

«Это воры или полиция? Они собираются похитить Роже? Ну-ка вспоминай. Вчера вечером мы были на вечеринке...»

Боже, как раскалывается голова. Думать невозможно. Наверное, это из-за смеси спиртного, гашиша и таблеток, которых она напробовалась в гостях у Рокантена. Кроме того, все происходящее было настолько необычным, что уже начавший шевелиться в ее груди ужас еще не завопил в полную силу. Все было тщательно подготовлено богом искусства: сочетание притягательного – блондинка в платье хаки, комического – они с Роже голышом, липкие от насыщенных сновидений, и абсурдного – накрашенная, как модель, девушка в военной форме; достойное Сезанна равновесие зеленого кобальта, цвета хаки, изумрудного оттенка, цвета карточного сукна, стен спальни цвета зеленого яблока. «Если бы мне

суждено было умереть молодой, я выбрала бы именно этот зеленый миг: и быть может, ах, пламя вырвется из пистолета, как светящаяся фасолинка, и из каштанового тела (гармонирующего с цветом джунглей платья хаки) брызнет прудовая вода с подстриженной под гребенку ряской».

Жаль, что эстетическое впечатление немного смазалось, когда блондинка толкнула ее к расположившимся в столовой мужчинам.

Ее с головокружительной силой схватили за руки и усадили в кресло перед чем-то похожим на выключенный ноутбук. По пути Брисеида закричала, явно нарушив какой-то кодекс молчания, потому что мгновение спустя послышались слова на французском и шум из спальни и слова на голландском и снова шум, уже в столовой. Но затем последовали слова на английском, обращенные к ней.

– Не вздумайте снова кричать, – сказала Блондинка-с-Чарующими-Глазами, склоняясь к ее уху. – И не пытайтесь встать.

У нее бы все равно не получилось, даже если б она и захотела: две пары железных перчаток вдавили ее в кресло.

– Вот стакан воды. Если хотите, можете пить. Я нажму клавишу на компьютере, и на экране появится человек, который задаст вам несколько вопросов. Говорите громко и внятно. Отвечайте на все вопросы и не тяните с ответами. Если вы не знаете ответа или хотите подумать, скажите прямо. Мы знаем, что вы владеете английским, но если чего-то не пой-

мете, тоже скажите.

Блондинка нажала на клавишу, и появилось лицо лысого немолодого мужчины с сединой над ушами. В квадрате в левом верхнем углу байты изобразили смуглокожую девушку с угольно-черными волосами, высокими скулами и полными губами, плечи и руки зажаты четырьмя руками в перчатках, грудь обнажена. Брисеида поняла, что это она. Ее снимают и передают изображение в прямой трансляции неизвестно куда. В противоположном углу выделялся отсчитывающий секунды хронометр. «Галлюцинаторный синдром вследствие неупорядоченного потребления токсических веществ» – такое определение давал Стэн Коулмен, ее забываемый богатенький (и сволочной) преподаватель современного искусства Колумбии, всем странностям, происшедшим после оргии с мягкими наркотиками. Скорее всего, это оно и есть. Это не может происходить на самом деле.

– Добрый день, сеньорита. Простите, если побеспокоили, но нам нужно срочно получить некую информацию, и мы рассчитывали на ваше щедрое сотрудничество.

Мужчина говорил по-английски с заметным континентальным акцентом – наверное, немецким или голландским. В нижней части экрана, перечеркивая его шею и узел галстука, появились французские и немецкие субтитры. Всех этих языков хватило Брисеиде, чтобы ощутить полнейший ужас.

– Мы многое о вас знаем: двадцать шесть лет, родились в Боготе, получили в Нью-Йоркском университете диплом ис-

кусствоведа, ваш отец работает в ООН атташе вашей страны по вопросам культуры... Так-так... Что еще... – Мужчина склонил голову, и на минуту экран превратился в отполированную лысую карту мира. – Вы пишете исследовательскую работу для университета... Тема: коллекционирование среди художников... В этом году жили в Нидерландах для изучения коллекции вещей Рембрандта из его амстердамского дома. Сейчас вы в Париже, с нашим добрым другом Роже Левэном, и вчера вечером вы вместе были на вечеринке Лео Рокантена... Все верно, так ведь?

Брисеида собиралась сказать «да», но тут фея информатики растворила изображение в зеленых вспышках, и возникло другое лицо: худая женщина в черных очках, со стрижкой под мальчика. Побежали зеленые буквы субтитров.

– Привет, я – Злой Полицейский. – Акцент у нее был более британский, чем у мужчины, а голос – более неприятный. Улыбка напоминала серп косы. – Я только хотела поздороваться. Ничего так хибарка у Лео Рокантена, а? Гостиная восемнадцатого века, если не ошибаюсь, потолочные фрески написаны маэстро Люком Дюсе и представляют историю Самсона и Далилы. В западном крыле, в зале с глобусами, изображена вся история Всемирного потопа, от постройки Ковчега до возвращения голубки с оливковой веткой. Мы хорошо знаем Лео Рокантена... Коллекция его ГД-искусства тоже хороша, особенно работы Элмера Фладда в главном зале. Но это только верхушка айсберга. Вы не участвовали

вчера ночью в арт-шоке, который организовали в громадном подвале под особняком? Он называется «Арт-Шах», автор Мишель Гро. Двадцать четыре юноши и девушки и пластические материалы... Полностью обнаженные модели, расписанные разными оттенками зеленого, представляют шахматные фигуры на тридцатиметровой доске, а гости задают ходы. Съеденные фигуры переходят в распоряжение гостей. С ними дозволены любые крайности. Не играли?.. Ах да, конечно, ваш дружок Роже ничего вам не рассказал. Вы, наверное, смотрели только картины наверху: арт-шок – развлечение для избранных. Лео впечатляет их интерактивными встречами, а потом предлагает миллионные сделки на еще более запрещенные картины.

Неужели эта женщина говорит правду? Роже действительно довольно надолго ушел говорить с Рокантенем, пока она слонялась из угла в угол по зеленым коврам в бесконечном бильярде гостей, разглядывая великолепные полотна Элмера Фладда. Потом, когда Роже вернулся, она заметила, что он несколько взволнован. Ворот рубашки у него был расстегнут. «Арт-шок в виде шахматной игры человеческими фигурами...» – подумала она. Почему Роже ничего ей не сказал? Что двигалось в подземном мире, под ногами богачей?

Женщина выдержала паузу и снова улыбнулась в своей неприятной манере:

– Не волнуйтесь, все мужчины одинаковы. Обожают что-то утаивать. Мы же, женщины, напротив, более откровенны,

вы со мной согласны? По крайней мере, я надеюсь, что к вам это относится в полной мере, сеньорита Канчарес. Я оставлю вас с моим другом, Добрым Полицейским, который задаст вам несколько вопросов. Если ваши ответы будут убедительными, мы выключим компьютер и разойдемся по домам, все тихо-мирно. В противном случае домой уйдет Добрый Полицейский, а вернется Злой, то есть я. Вы меня поняли?

– Да.

– Приятно познакомиться, сеньорита Канчарес. Надеюсь, мы больше не увидимся.

– Очень приятно, – пробормотала Брисеида.

Она не знала, что и думать об угрозах этой женщины. Простое бахвальство? А что тогда говорить о маскарade с военной формой? Хотят возродить в ней атавистический страх перед герильей? Ей вдруг показалось, что она попала на карнавал, на умело организованный фарс (какой там неологизм использовал Стэн? – «имагия» – имидж плюс магия, культурный архетип, на который мы переводим наш страх или нашу страсть, потому что, утверждал Стэн, в наше время все, абсолютно все, от рекламы до резни, от помощи голодающим стран третьего мира до пыток, – все делается стильно).

Но карнавал не карнавал, следовало признать, что эта постановка достигла цели: Брисеида была до смерти напугана. Ей хотелось мочиться прямо на диван Роже и плевать на ковер Роже.

Зеленый взрыв. Мужчина.

– Вопрос следующий... Будьте внимательны...

Брисеида напряглась так, как только позволяли впившиеся в плечи и руки когти. Бедро болело оттого, что она сжимала их, чтобы как можно лучше скрыть свой лобок. Она вдруг почувствовала, что совсем голая.

– Мы знаем, что вы очень дружны с Оскаром Диасом. Повторяю имя: Оскар Диас. И вот вопрос: где сейчас ваш друг Оскар?

Какой-то закоулок коры мозга Брисеиды Канчарес, двадцати пяти лет от роду (мужчина ошибся: двадцать шесть ей будет только 3 августа), с дипломом по искусствоведению, произвел молниеносный подсчет и выдал список промежуточных выводов: Оскар Диас; что-то связанное с Оскаром; Оскар что-то натворил; они собираются что-то сделать с Оскаром...

– Где ваш друг Оскар? – повторил мужчина.

– Не знаю.

Экран вдруг покрылся жидкостью цвета зеленой гнили, который напомнил Брисеиде о временах химических опытов по реставрации картин. Из зелени появляются зубы. Улыбка. Лицо женщины в черных очках.

– Ответ неправильный.

Одна прядь волос внезапно словно ожила. Она вскрикнула, а в глазах закружилась ярмарка со взрывами петард, новогодняя елка в гостинице посреди сельвы. Шея изогнулась назад, а позвонки были спасены от непоправимого только

ежедневной аэробикой. В ее вселенной появились две порочные зеленые планеты (зеленой была Венера в дешевом чтении по научной фантастике, которое тоннами поглощал Стэн) и прицелились в нее красивым и наверняка дорогушим инструментом, образованным из хромированного металлического карандаша и заточенного острья, на котором светилась капелька марсианской крови.

– Эта игрушка – оптический карандаш, – произнесла блондинка в двух сантиметрах от ее лица. – Не буду грузить тебя техническими подробностями – скажем, это улучшенная копия тех карандашей, которыми художники пользуются для работы над сетчаткой глаза загрунтованных полотен. Сетчатка – это пигментированный слой, расположенный в глубине глаза, позволяющий нам, кроме всего прочего, различать цвета. Чаще всего она не представляет собой ничего особенного, но, чтобы видеть мир, штука довольно полезная, правда? Я окрашу тебе сетчатку в непрозрачный зеленый цвет. Сначала левый глаз, потом правый. Плохо только, что краска у меня постоянная, ее совсем не рекомендуют использовать в таких случаях. Не будет ни шрамов, ни наружных гематом, все очень эстетично, представляешь? Но, когда я закончу, ты будешь так слепа, что тебе придется сосать пальцы, чтобы убедиться в том, что они твои. Хотя слепота получится на загляденье – красивого оттенка бутылочного стекла. Не двигайся.

Приказ был излишним. Брисеида могла пошевелить лишь

губами и правым веком. Что-то поднимало ей левое веко, оттягивая чуть ли не до слез. Пахло синтетической кожей: перчатка. Впившиеся в тело кожаные стервятники стискивали ее запястья, колени, щиколотки, горло, волосы. Она хотела забормотать по-английски, но с губ урывками слетал искореженный испанский. Нужно говорить по-английски. В таких случаях, для попыток за границей, английский всегда пригодится. О'кей, Джонсон фэмили эт холидейз. Мэри Джонсон из ин зе китчен. Вер из Мэри Джонсон?⁶ Вдруг в левое ответвление ее зрительного нерва ворвался кипящий красно-зеленый вихрь, китчевый, как фосфоресцирующий будда на уличном лотке. Цвет напомнил ей открытки фирмы «Пьер&Жиль», которые она обычно посылала родителям из Европы. Ей показалось, она слепнет.

Тогда державшая ее волосы рука выпустила их, а другая рука схватила ее за затылок и зверски толкнула вперед, будто хотела впечатать лицо в компьютерный экран. Ее нос оказался на расстоянии нескольких дюймов от французских и немецких субтитров. Она подавила внезапный позыв к рвоте.

– Вторая попытка. – Это женщина. – Наша коллега ограничилась тем, что приблизила карандаш к вашему зрачку... Слушайте и не вопите... При следующем неправильном ответе она нарисует на вашей сетчатке запятую... С этой ми-

⁶ Ладно, семья Джонсон в отпуске. Мэри Джонсон в кухне. Где Мэри Джонсон? (*искаж. англ.*)

нуты вы сможете видеть растущую четверть луны зелено-го цвета среди бела дня. Интересный эстетический эффект, не так ли?.. Хватит скулить, слушайте внимательно... После второго сеанса вы сможете просто спрятать левую сетчатку в склянку. Говорю вам, они светятся ночью зеленым огнем, ни дать ни взять явления Богородицы в Лурде... Пожалуйста, соберитесь. Ваш выигрыш – здоровое зрение.

– Повторим вопрос. – Это опять был мужчина. – Где Оскар Диас?

Державшие ее руки так и не отпустили, рука, давившая на затылок, не ослабляла хватку, и в какое-то ужасное мгновение Брисеиде показалось, что трубка ее шейных позвонков подается с треском сломанной ветки. Подумалось, что это лучшее, что может с ней произойти.

– Не знаю, клянусь, пожалуйста, не знаю, клянусь, что не знаю, в Вене, да, в Вене, но не знаю, клянусь, клянусь!.. – Слюни, слезы и слова текли по ее лицу, как будто их выделяла одна и та же железа. – *Не знаю где честное слово не знаю где не знаю где честное слово клянусь пожалуйста пожалуйста пожалуйстапожалуйстапожалуй...*

Ее прервали потоки рвоты.

Сидя перед ноутбуком в кабинете Музеумсквартир, Лотар Босх нажал на кнопку записной книжки своего сотового и позвонил по высветившемуся на экранчике номеру. Беседа с одним из его людей в Париже была короткой, но весьма

оживленной. Мисс Вуд в это время сидела к нему спиной, любуясь сквозь стеклянную стену венским рассветом. Босх заметил, что она курит свои жуткие экологически чистые сигареты и зеленый туман с ментоловым запахом клубится вокруг ее головы на фоне стекла.

– Господин Лотар Босх по отношению к дамам джентльмен с ног до головы, – заметила она.

– Тебе не кажется, что мы достаточно напугали ее игрой с оптическим карандашом? – откликнулся Босх, немного задетый иронией коллеги. – Так разговоры не начинают. Мы ничего не добьемся.

С глазом было все в порядке. На самом деле это очень милые люди. Они даже отпустили ее, чтобы было удобно рвать.

Брисеида рвала, как когда-то в детстве: прижав одну руку ко лбу, а другую к животу. Такая у нее была привычка, так сложилось. Любопытное ощущение дежавю при виде желчи. Мама говорила, что она съезживается, словно котенок. Бабушка считала, что она рвет плохо. Этому котенку придется всю жизнь мучиться, потому что она плохо рвет, говаривала она. Тут она пошла не в отца, особенно в похмелье. Стэн тоже рвал легко, долго и обильно. Вообще все, что выделял ее преподаватель искусства, было одинаково. А вот Луиджи, ее преподаватель эстетики, нет, его желудок был закален пиццами, перемежавшимися с чили, – застывший, забитый импотент. По их рвоте познаешь их, а не по эякуляциям. Чиха-

ние, рвота и смерть – вот три по-настоящему непредсказуемые, неконтролируемые и внезапные вещи, происходящие в нашем теле, точка с запятой, точка и абзац, конечная точка текста жизни: так сказал ей однажды преподаватель в швейцарском колледже.

Глотнув холодной воды, она поборолa новый спазм. Боже, что она сотворила с ковром в столовой Роже. Такой эстет, как Роже (неужели правда, что он накануне ночью играл в шахматы *двадцатью четырьмя юношами и девушками* вместо фигур?), а тут глядите, что она вывалила на его ковер, – редисочный сок, разлитый по мягкому итальянскому покрытию. Брисеиде пришлось отодвинуть ноги, чтобы не касаться лужи, и так она развела бедра. Но ее больше не держали, и она смогла прикрыться руками. Добрый компьютер (или Добрый Полицейский?) ждал, приложив к виску золотое перо марки «Монблан». Блондинка и солдаты сопели за креслом, готовые к действию. Окошечко «Windows» с надписью «Злой Полицейский» ютилось в углу, противоположном окошку Брисеиды. Но Добрый Полицейский сказал ей, что Злой пока хочет отдохнуть.

– Вам лучше?

– Да. Можно мне одеться?

Минутное колебание.

– Поверьте, мы скоро закончим. Теперь расскажите мне все, что знаете об Оскаре.

Начать было легко. Плавная нить спокойных технических

слов об искусстве (это помогло ей расслабиться). Говоря, она не смотрела ни на экран, ни на пол (рвота), а впилась глазами в стоявшую на столе за компьютером вазу с фруктами: зеленые яблоки и груши, успокаивающие, как хороший травяной настой.

– Я познакомилась с ним прошлой весной в «МоМА» в Нью-Йорке. Он охранял «Бюст», офорт ван Тисха. Вы, наверное, знаете эту картину, но я могу ее описать... Это подготовительный этюд к «Падению цветов»... Двенадцатилетняя девочка в небольшом кубе черного цвета с отверстием. Сквозь отверстие видно лишь ее лицо и плечи, окрашенные в легкие серые тона по коже, загрунтованной кислотными красками, на манер живых офортов. Зрителям приходилось идти по одному, чтобы подняться перед кубом на две ступеньки и очутиться в пяди от ее лица. Девочка не мигая смотрит покрытыми марсом черными глазами, и ее выражение чуть ли... чуть ли не сверхъестественное... Невероятная картина...

«Ощущение такое, будто ты заглянул в исповедальню и увидел, что священник выглядит как твои грехи» – так высказался о «Бюсте» один латиноамериканский критик, но Брисеида не привела это всем известное изречение, потому что не собиралась давать поучительные уроки искусства. В турне по Америке эта картина произвела настоящую сенсацию, особенно потому, что показ «Падения цветов» был запрещен комитетом цензоров США.

– Оскар был координатором охраны «Бюста». Однажды он увидел, как я стою в конце длинной очереди. Я пошла в «МоМА» полюбоваться выставленной в соседнем зале картиной Элмера Фладда, но не могла уйти, не взглянув на офорт ван Тисха. Перед этим, на выходных, я упала, когда играла в баскетбол, и передвигалась на костылях. Увидев меня, Оскар сразу же подошел и предложил провести меня к картине. Он попросил, чтобы меня пропустили, и провел до самого куба. Он проявил себя как настоящий мужчина.

– И вы подружились? – спросил мужчина.

– Да, мы начали часто встречаться.

Они отправлялись в долгие прогулки, но почти неизбежно возвращались к Центральному парку. Ему очень нравились деревья, сельская местность, природа. Он мастерски фотографировал пейзажи, и у него было все необходимое: 35-миллиметровая камера «Рефлекс», два треножника, фильтры, телеобъективы. Он досконально знал свойства света, воздуха и бликов воды, но жизнь от насекомых и выше не очень интересовала его. Оскар был зелен, как стебелек, пожалуй, несколько незрел.

– Он везде меня фотографировал: рядом с прудами, с озерами, когда я кормила уток...

– Он когда-нибудь говорил с вами о работе?

– Редко. Говорил, что до того, как в двухтысячном его взял на работу Фонд ван Тисха в Нью-Йорке с офисом на Пятой авеню, он работал охранником в галерее сети «Брук».

Что его начальником была девушка по фамилии Рипштейн. Что зарабатывает он кучу бабок, но живет один. И что он ненавидит манию эстетизма своей компании, так он выражался: например, какое-то время его заставляли носить парик.

– Что он вам об этом сказал?

– Что, если он лысый или лысеет, это никого не касается. Что какого черта они должны были приказывать ему носить парик. «Все начальство, кроме Стейна, лысое, и никто на это не обращает внимания, – сказал он. – Но все остальные должны выглядеть красавчиками». И он сказал еще, что Фонд ван Тисха похож на еду в навороченном ресторане: чудесный внешний вид, великолепный вкус, масса денег, но, когда уходишь, в желудке еще остается место для парочки хот-догов и пакетика чипсов.

– Так и сказал?

– Да.

Мужчина усмехнулся, или это просто дрогнуло изображение?

– Еще он говорил, что не может смотреть на тех, кого охраняет, как на произведения искусства... Для него они люди, и некоторых ему очень жалко... Он рассказывал мне об одной... Не помню имени... Какая-то модель, которая целыми часами сидела скрючившись в коробке оригинала работы Бунхера, одной из картин серии «Клаустрофилии». Он рассказывал, что несколько раз охранял ее и что она умная оба-

ательная девушка и в свободное время пишет стихи в манере Сафо с Лесбоса... «Но всем, черт побери, на это плевать! – возмутился Оскар. – Для людей она просто модель, которая выставляется восемь часов в день в какой-то коробке». Но картина *прекрасна* – возражала она. «Оскар, разве „Клаустрофилии“ не прекрасны? А „Бюст!“ Двенадцатилетняя девочка, закрытая в темном пространстве... Вдумаешься и говоришь: „Бедняжка, какой ужас!“ А потом подходишь и видишь это окрашенное в серый цвет лицо, это выражение... Господи, Оскар, это *искусство*! Мне тоже жаль запира́ть девочку в коробке, но... Что же делать, если получается такая... такая *прекрасная* фигура?» Вот так мы спорили. В конце концов я спрашивала его: «Почему ты тогда не бросишь охранять картины, Оскар?» Он отвечал: «Потому что больше нигде столько не платят». Но больше всего ему нравилось расспрашивать меня о моей жизни. Я рассказывала ему о моей семье в Боготе, об учебе... Он загорелся идеей снова увидеться в этом году в Амстердаме, потому что в Европе у него была работа...

– Он говорил вам какая?

– Охранять картины во время передвижной выставки коллекции «Цветы» Бруно ван Тисха.

– Он вам об этом рассказывал?

– Немного... Для него это было просто очередное задание... Сказал, что пробудет год в Европе и что в первые месяцы будет то в Амстердаме, то в Берлине... Просил, чтобы я

рассказала ему о своей работе... Ему очень нравилось слышать, что Рембрандт коллекционировал засушенных крокодилов, раковины, ожерелья и стрелы разных племен... А мне хотелось получить разрешение на посещение замка Эденбург, и я подумала, что он сможет мне помочь.

– Зачем вы хотели посетить Эденбург?

– Чтобы посмотреть, правда ли то, что говорят о ван Тисхе: что он коллекционирует пустые пространства. Те, кто побывал в Эденбурге, уверяют, что в замке нет ни мебели, ни украшений, одни пустые комнаты. Не знаю, правда ли это, но я подумала, что это будет хорошим послесловием к моей работе...

– В Амстердаме вы снова встречались с Оскаром, не так ли? – спросил мужчина.

– Только один раз. А так – разговаривали по телефону. Он постоянно ездил с коллекцией из Берлина в Гамбург, из Гамбурга в Кельн... Свободного времени особо не было. – Брисеида потеряла руки. Ей было холодно, но она старалась сосредоточиться на вопросах.

– Что он рассказывал вам по телефону?

– Спрашивал, как у меня дела. Хотел встретиться. Но кажется, наш роман закончился, если только вообще был.

– Когда вы виделись?

– В мае. Оскар был в Вене. Ему дали неделю отпуска, и он позвонил мне. Я жила в Лейдене, и мы договорились встретиться в Амстердаме. Он остановился в гостиничке около

площади Дам.

– Очень поспешная поездка, не правда ли?

– В Европе ему было скучно. Его друзья остались в США.

– Что вы делали в Амстердаме?

– Гуляли вдоль каналов, пообедали в индонезийском ресторане... – Внезапно Брисеида сорвалась, утратив терпение: – Что еще вы хотите услышать! Я устала и очень напугана! Пожалуйста!..

Окошко Злого Полицейского превратилось в женщину в темных очках. Брисеида чуть не подпрыгнула.

– Полагаю, вы еще и трахались, не так ли? Ну, в придачу ко всем этим увлекательным разговорам об искусстве и пейзажной фотографии...

Ответа не было.

– Вы понимаете, о чем я? – спросила женщина. – О трах-трах, трах-трах, которое делают самцы и самки, иногда самцы отдельно, самки отдельно, иногда вместе.

Брисеида решила, что эта незнакомка – самый противный человек, которого она когда-либо встречала. Даже на расстоянии, отделенная компьютерным экраном, со сжатым, двухмерным, светящимся лицом, эта женщина чрезмерно выводила ее из себя.

– Вы трахались, да или нет?

– Да.

– Инвестиция или поточный счет?

– Я не понимаю, о чем вы.

– Я спрашиваю, получали ли вы что-нибудь взамен, например абонемент на посещение Эденбурга, или делали это, просто чтобы развлечься с нижней половиной Оскара?

– Идите в жопу! – Слова выскочили из Брисеиды без всяких усилий и без страха, как отчаянные влюбленные. – Идите в жопу. Если хотите, выжгите мне глаза, но идите в жопу.

Она ожидала мести, но, к ее удивлению, ничего не произошло.

– Любовь была? Между вами и Оскаром?

Она отвела глаза к зеленым стенам квартиры Роже.

– Я не собираюсь отвечать на этот вопрос.

На этот раз – произошло: одна вспышка, так что глаза перешли от зеленой стены к зеленому карандашу за один кадр. Она вдруг оказалась лишена возможности двигаться и лежала, как на ладони, как неопытная первородящая. Толстые садовые перчатки сжимали ей лицо. На челюсть давили так, что она еле смогла крикнуть, что ответит, конечно, что ответит на любой вопрос, пожалуйста, пожалуйста... (Хорошо, что по-английски это проще: «плиз» выходит легким плевком.) Послышался щелчок, коротенькое жужжание пчелы, и она снова убедилась, что ее глаз цел и невредим.

– Нет! Не было любви! Я не знаю! Не знаю, любил ли он меня!.. Я считала его приятелем!.. – Подошвы ног стали влажными и липкими. Она поняла, что наступила в собственную рвоту, но какая теперь разница, если она уже рыдает, а женщина на экране (бесстрастный бюст, искаженный

ее слезами) видит, как она плачет. – Пожалуйста, отпустите меня!.. Я уже все вам рассказала!..

– Ну же, ну же, признайтесь, – снова заговорила женщина. – Определенный интерес был, не правда ли? Если бы не так, чем вас мог бы увлечь лысый тип, которого заставляли носить парик на работе и который плел вам что-то про пейзажи и про Сафо с Лесбоса? Мне кажется, у вас нет проблем с мужчинами: вы немного вильнули задом в Амстердаме, и Роже Левэн обратил на вас внимание и пригласил к себе домой. Так ведь было?

Рассматривать все происшедшее с этой точки зрения – жестоко. Неделю назад Брисеида посетила в Амстердаме выставку «Наслаждения» Мориса Маршала, художника, интересовавшего ее тем, что он собирал фетиши и писал только мужчин в состоянии эрекции. Абсолютно случайно, так он потом сказал ей, в тот же вечер в галерее был Роже Левэн. Он приехал в Амстердам на переговоры с высоким начальством Фонда, чтобы получить сведения о долгожданном открытии коллекции «Рембрандт», запланированном на 15 июля. Заранее хотел купить картину Маршала для какой-то подружки. Если верить ему, в первую очередь его привлек в Брисеиде темный веер волос, касавшийся высоких ягодиц. Брисеида нагнулась, чтобы рассмотреть одну из картин, мускулистою юношу на корточках с поднятым строго по вертикали пенисом, окрашенного в зеленый «веронская земля». Роже воспользовался создавшейся симметрией, чтобы подойти и

заметить по-английски, что ее поза в точности соответствует позе картины. Не очень-то умная фраза, но выше среднего уровня других первых фраз, с которыми к ней обращались в подобных случаях. У Левэна было открытое детское лицо, костюм с жилеткой. Волосы – словно рассадник намазанных брильянтином улиток. Ничего не скажешь, он был неотразим, даже притом, что их окружало больше десятка голых, раскрашенных, вздымавших члены мужчин. Но главным его преимуществом был папаша, и Роже поспешил о нем упомянуть. Брисеида знала, что Гастон Левэн – один из крупнейших торговцев картинами во Франции. С присущей ему во всех импровизациях естественностью Роже предложил Брисеиде поехать с ним в Париж и остановиться на пару дней в его металлизированном доме на левом берегу. Почему бы нет, подумала она. Уникальная возможность узнать поближе дела знаменитой семьи торговцев картинами.

К счастью, Злой Полицейский снова исчез.

– После Амстердама вы уже не виделись с Диасом? – снова заговорил мужчина.

– Нет. Последний раз он звонил мне две недели назад...

По-моему, в воскресенье, восемнадцатого числа...

– Сказал что-нибудь новенькое?

– Хотел спросить, как получить вид на жительство в стране Европейского Сообщества. Он знал, что я получила вид на жительство благодаря университетской стипендии.

– Зачем ему это было нужно?

– Он сказал, что недавно с кем-то познакомился, с нелегальным эмигрантом, и хочет ему помочь.

Брисеида поняла, что сказала нечто важное для *них*. Напряжение мужчины на экране было реально ощутимым.

– Он рассказывал вам о нем?

– Нет. Думаю, это была женщина, но я не уверена...

– Почему вы так думаете?

– Оскар всегда такой, – улыbnулась Брисеида. – Обожает помогать дамам.

– Что именно он вам сказал?

«Приехал из чужой страны, а документов нет, – сказал Оскар. – Ты же живешь в Европе уже несколько месяцев, вот я и подумал, что ты, наверное, знаешь, как получить какую-нибудь визу». Он не захотел вдаваться в подробности, но Брисеида была почти уверена, что речь шла о женщине. Вот и все.

– Вы договорились снова созвониться, когда прощались?

– Он сказал, что позвонит, но не сказал когда. Перед отъездом из Амстердама я оставила телефон Роже моим друзьям, чтобы Оскар мог меня разыскать, но он еще не звонил.

– Вы навели какие-нибудь справки о том, что он спрашивал?

– Спросила кое-что в моем посольстве, ерунда... Можно я высморкаюсь?

– Ладно, больше мы ничего не добьемся. Скажи Тее, что-

бы все убрали, дали птичкам шоколаду и сматывались, – пробормотала мисс Вуд и раздраженно выключила свой ноутбук.

Шоколад птичкам дать было нелегко, и Босх это понимал. Роже Левэн – кретин, но сейчас он наверняка жутко зол из-за того, что его силой вытащили из постели, когда он наслаждался своим последним завоеванием, и, скорее всего, уже позвонил (или вот-вот позвонит) своему чудесному папочке. Конечно, накануне, пока сынок играл в шахматы в подвале имения Рокантен (и пускал в ход всю свою хитрость, чтобы съесть офицера белых, Соланж Тандро, восемнадцатилет, точеную блондинку с выющимися волосами, страдающую анорексией, – но это ему не удалось, наоборот, пришлось против своей воли съесть Роберта Лейоле, крепкую девятнадцатилетнюю пешку), Гастона телефонным звонком предупредили о том, что должно произойти. Босх объяснил ему, что интересовала их только колумбийка и что они не побеспокоят его сына (конечно, это неправда, они собирались допросить их порознь). Левэн-отец согласился, но, даже несмотря на это, необходима осторожность. Влиянием Левэна нельзя пренебрегать. Это незначительный, но очень хитрый торговец, живущий в роскоши в доме с интерьером в стиле двадцатых годов на набережной Вольтера. Говорили, что его жена вешает белье на вытянутых руках оригинала Макса Калимы, «Юдифи», в исполнении Анни Энгельс, которая выгибалась у камина в гостиной. Как бы то ни было,

шутки с семейством Левэн плохи. К счастью, Босх знал слабое место торговца. Левэн испытывал страсть к некоторым оригиналам начального этапа творчества Мэтра. Ему хотелось приобрести их по «особой» цене, чтобы потом перепродать в Соединенных Штатах. Переговоры со Стейном зашли в тупик. Левэн знал, что, если он будет плохо себя вести, Стейн заморозит продажу. С Фондом ван Тисха шутки тоже были плохи.

– Кто это был, Роже? Это же не полиция, правда? Ты их знаешь?

Роже рассматривал в зеркало синяк на правой лопатке, который, наверное, остался от затрещины женщины-солдата. Не важно, откуда он взялся, было больно. Он скроет кровоподтек тональным кремом. Роже чувствовал себя униженным после всего происшедшего, и ноги у него еще тряслись, но он успокаивал себя мыслью о том, что, по крайней мере, это не нашествие настоящей полиции, как он опасался вначале (внизу у него была закрытая комната, забитая нелегальными украшениями, о существовании которых не знал даже отец), а его прекрасные картины на верхнем этаже остались нетронутыми.

– Это... это наши люди, – ответил он. Отец запретил ему говорить с девушкой об этом инциденте.

– Ваши люди?

– Да, как те, кого ты вчера видела в имении Рокантена!

Ублюдки, которым платят за то, чтоб они носили оружие и охраняли картины!.. Какая, к черту, разница, кто это был!..

– Они искали моего друга, который работает в Фонде ван Тисха... Почему?..

– А я откуда знаю!

– Мы пойдем в полицию.

– Лучше все оставить как есть, – возразил Роже. – Бизнес-разборки, ты же знаешь...

Брисеида молча вытиралась полотенцем. Она только что приняла душ и убедилась в том, что после этого невероятно-го сеанса живописи осталась невредимой. То есть после пыток. Но подумала, что, как только оденется, соберет вещи и уйдет из дома Роже Левэна. Она совершила ошибку, приняв его приглашение. Брисеида была почти уверена, что большая часть ответственности за случившееся лежала на Роже и на окружавших его ублюдках.

А Оскар? Она от души желала, чтобы с ним не случилось ничего плохого, но предчувствие, от которого она никак не могла избавиться, говорило, что она уже никогда его не увидит.

– Я все больше уверена в том, что Диас не имеет к этому никакого отношения, – сказала мисс Вуд.

– Тогда почему он исчез? – спросил Босх.

– Вот этого-то я и не понимаю.

Раздавленная в пепельнице экологически чистая сигарета

была похожа на зеленую гусеницу.

* * *

– Что это? – удивился Хорхе.

– Это я, – ответила Клара.

Он не верил собственным глазам. Глядящее на него из желтизны существо было совершенно потусторонним созданием, демоном из китайских сказок, домовым с сернистой кожей. Клара, да, но чуть меньше белокурой Клары. Белок и желток. Или так: *улучшенная* Клара, потому что он видел, что никогда еще ее ключицы не изгибались так мягко и никогда тень под скулами не была такой неопределенной. И абрис мышц. И силуэт. Это была она, но другая. И у тех, кто так ее вырисовал, не было мелков телесного цвета, были только очень светлые, лимонного цвета карандаши. Он уже привык выискивать ее в беспрестанном карнавале полотен, так что часть его мозга не удивилась. Однако *это* было больше, чем живопись.

– Если хочешь, я могу раздеться, – предложила она (даже голос звучал по-другому: какой-то стеклянный отзвук?). – Но предупреждаю: там все такое же.

Хорхе осторожно подошел поближе. Губы на лице существа изогнулись кверху.

– Знаешь, я не кусаюсь. И это не заразно.

Она стояла в позе хорошей девочки, сложив руки за спи-

ной. Одежда – топ до середины живота с перекрещенными бретельками и подчеркнутая мятыми складками мини-юбка – казалась нормальной молодежной одеждой. «Но это стеганая ткань, – объяснила она, – которую используют для перевозки полотен». На ногах у нее были закрытые пирожком сандалии на низком ходу.

– Что с тобой сделали?

– Загрунтовали.

– Загрунтовали?

– Ага.

Хорхе знал этот термин, как и она знала, что такое эндоскопия или АКТ. Первым делом ты перенимаешь словечки своей пары, а иногда только этим дело и ограничивается. Однако небольшая разница была: когда он слышал от нее слова «гипердраматическое», «грунтовать» или «покой», то морщился. Он понимал, что это не совсем честно с его стороны, но, увы и ах, неизбежно. Кларина профессия не укладывалась у него в голове. Да, профессия Беатрис, его бывшей жены, оставляла его совершенно равнодушным (спаривание бактерий, прости господи), а профессии его сестры Аравии (дизайн интерьеров) и уж тем более его брата Педро (критик-искусствовед) казались ему эксцентричными, но биология, дизайн или искусствоведение – это еще можно понять. А вот осмысление работы картиной – это выше всех его умственных способностей.

– Прости, но, если я не ошибаюсь, тебя и раньше грунто-

вали, по крайней мере так ты мне говорила, но не...

– Так – никогда, Хорхе, так – никогда. Перед тобой – работа профессионалов. Меня грунтовали в «F&W», в лучшей мастерской. Если б я только рассказала тебе все, что они сделали...

– Даже глаза...

– Да, радужная оболочка, конъюнктива и сетчатка. И полностью все тело, включая отверстия и углы... ааааа-аммммммммм... бления, – закончила она и высунула язык.

Трепещущая тычинка между губами. Хорхе видел орхидеи с органами размножения такого цвета. Но не только язык – все нёбо. «Оно линяет?» – молнией вспыхнул в нем мужской эгоизм. Ей ужасно нравилось вызывать в нем такое изумление.

– Не бойся, грунтовка не бывает постоянной. Под ней я такая же, как раньше. Но ты не видел еще самого классного.

Что еще ему нужно видеть? Он моргнул и подошел поближе.

– Дело не в коже, а в том, что на мне висит, – подсказала Клара.

Тогда он заметил. На груди картонка, свисающая на черной нитке с шеи. И вторая такая же на правом запястье, а третья на правой щиколотке. Апельсиново-желтый цвет, ярко-желтый, желтый, как у китайского императора. Она когда-то говорила ему, что такого цвета, именно такого цвета были этикетки...

– Ага. – Клара победоносно засияла, увидев, что он наконец понял. – Меня нанял Фонд ван Тисха!

На чемодане, размышлял Хорхе, тоже есть этикетки той авиакомпании, которая его перевозит, но, в конце концов, это чемодан и это никого не удивляет. А поди знай, что подумают люди, глядя на девушку в жемчужно-белом топе и юбке, с как будто пластмассовыми, кукольными волосами и кожей, без ресниц и без бровей, почти без черт лица, но тем не менее привлекательную, да, даже более того, по какой-то нездоровой и необъяснимой причине *особенно* привлекательную, с тремя этикетками, висящими на теле. Японский манекен последней модели? Персонал для развлечения пассажиров во время межконтинентальных рейсов? На взгляд Хорхе – все, что угодно. Динь-Динь без стрекозиных крылышек, феерическое создание, только что сошедшее из-под кисти одного из тех английских романтиков, которые так не нравились Педро, и одетое в летнюю одежду.

– Да не бойся, – успокоила его она. – Никто меня не увидит. Меня привезли в Барахас в бронированном фургоне, но мы прошли не через зону пассажиров, а через отделение перевозок хрупких грузов, так всегда делают с грунтованными полотнами, которые перевозят в другую страну. – В ее глазах сверкали желтые искорки. – Этой комнатой пользуется только художественный материал, который перевозит «КЛМ». Я должна тут сидеть, пока меня не позовут в самолет, который

доставит меня в Голландию.

В комнате не было особых удобств: только одна желтая скамья (где она сидела до прихода Хорхе) и узкая полка типа барной стойки вдоль одной из стен. Они решили примоститься на стойке.

– Тебя будет писать?.. – словно во сне пробормотал Хорхе, не решаясь произнести золотое имя. – Тебя будет писать ван...

Оправлявшая вырез топа Клара быстро протянула руку и приложила желтоватый палец к его губам поверх серых усов. На Хорхе пахло химикатами.

– Не говори. Ты все сглазишь, если скажешь. Я еще точно не знаю. Кроме того, не забывай, что в Фонде есть несколько художников. Может, это будет Рэйбек, Стейн, Мавалаки...

– Но... коллекция «Рембрандт»...

– Да, да! Эта коллекция *его*, и еще есть время, чтобы я стала одной из ее картин! Только, пожалуйста, не говори это вслух! Я так счастлива тем, что происходит, – я не хочу думать ни о чем больше!..

Они переглянулись. Клара сияла под флюоресцентными лампами. Хорхе чувствовал себя серовато. У него не было ничего общего с этой инопланетной фигуркой, полузаконченной фарфоровой статуэткой (боже, при взгляде на нее у него была прямо оскомина на глазах, этот желтый цвет царапал глаз, как скользящий по натертой воском поверхности ноготь; как бы ему хотелось добавить ей недостающий слой

телесного розового цвета). Он понимал ее восторг, но дальше дело не шло. Кто мог его в этом упрекнуть? Он радиолог, ему уже сорок пять, волосы поседели и блестят, как вата, разложенная на новогодней елке вместо снега, но это – всего лишь одно из двух блестящих исключений в его бытии. К примеру, усы у него серые. А пять лет неудавшегося брака с биологом Беатрис Марко убедили его в том, что жизнь его сияет не больше, чем усы. Вторым блестящим исключением была Клара. Он познакомился с ней год назад, весной, в день, когда, казалось, солнце задалось целью окрасить все в желтый цвет. Брат Педро пригласил его на прием в доме у коллекционера, обосновавшейся в Мадриде бельгийки по имени Эдит, которая хотела продемонстрировать миру свое новое приобретение: «Белую королеву», последнюю работу Виктории Льедо. В то время Хорхе был совершенно заморожен разводными делами. Работы у него хватало (его кабинет радиологической диагностики довольно удовлетворительно осаждали пациенты), но он был так же одинок, как шахматный король проигрывающего войска. Он и думать не мог, что знакомство с «Белой королевой» изменит его жизнь. Безошибочное шестое чувство («Ты унаследовал его от отца», – повторяла мать) заставило его принять это роковое приглашение, которое брат придумал, просто чтобы его развлечь.

Закутанная в туники и духи Эдит Как-там-ее-веке провела их по своей хижине в Ла-Моралеха, показывая всю свою коллекцию гипердраматических картин: окрашенные непо-

движные мужчины и женщины, расставленные в гостиной, в библиотеке и на террасе. «Какого черта они здесь торчат? – недоумевал Хорхе, погружаясь в усталую красоту их лиц. – О чем они думают, когда мы на них смотрим?»

Они пошли к саду, где стояла картина Вики Льедо.

– Это аутсайд-перформанс, – пояснила Эдит и обернулась к Педро: – Здесь вы их называете наружными перформансами, да?

– Это что такое? – спросил Хорхе.

– Это ГД-картины, в которых фигуры двигаются и выполняют задуманные художником действия, – поучительно ответил Педро. – Их называют наружными, потому что они выставляются под открытым небом, а перформансами – потому что действия начинаются через определенные промежутки времени и повторяются в замкнутом цикле, который никак не связан с присутствием публики. Если бы показ проходил как в других представлениях и зрителям нужно было бы собираться в определенное время, чтобы их увидеть, тогда это были бы встречи.

– Выходит, это как арт-шок?

Эдит и Педро снисходительно переглянулись.

– Арт-шоки, дорогой братец, это интерактивные встречи, то есть представления с определенным временем показа, в которых по желанию могут участвовать хозяин картины или его друзья. Большинство арт-шоков связаны с сексом или с насилием, и они совершенно незаконны. Но не строй та-

кую сальную рожу, братец, сегодня тебе так не подфартит: «Белая королева» – не арт-шок, а неинтерактивный перформанс. То бишь картина, которая через определенные промежутки времени что-то делает без прямого участия зрителей. В общем, ничего невиннее и представить нельзя, правда же, Эдит? – Бельгийка любезно хихикала и кивала.

Хорхе приготовился скучать. Он не подозревал, что его ожидало.

Сад был просторный, а от любопытных глаз его защищала очень высокая стена. Картина выставлялась на траве. Она представляла собой комнатку без потолка с тремя белыми стенами и шахматным плиточным полом. В дальней стене на уровне пола было видно прямоугольное отверстие, за которым поблескивала трава. Внутри комнатки стояли стол, стулья, лежали бутерброды, вода и висела вешалка, все белого цвета. На плиточном полу томно лежала девушка с пышными светлыми волосами, одетая в очень белое подвенечное платье. Ее лицо и руки сияли воздушной бледностью. Внезапно на глазах у Хорхе она встала на четвереньки, поползла к отверстию, просунула в него голову, шагнула назад, снова просунула голову. Результат был шокирующим, похожим на сюрреалистический фильм.

– Видите? – комментировала Эдит. – Она хочет вылезти через ту дыру, но не может, потому что мешает подвенечное платье...

– Метафора проста, – пояснил Педро. – Ей надоело жить

под замком буржуазного брака.

Безуспешные старания просунуть кружева с фестонами. Отход назад. Новая попытка. Выгнутая талия, попка кверху, втиснутые в раму бедра. Глядя на нее, Хорхе страдал: он ощущал себя некоторым образом в подобной ситуации с Бетрис.

– Девушка понимает, – продолжала свои объяснения Эдит, – что должна снять платье, чтобы достичь цели... Вот смотрите: она снимает его и вешает на вешалку... Так сказать, побеждает свои предрассудки, обнажается и удирает... – Она поманила гостей за собой: – Идем на другую сторону сада, посмотрим продолжение.

Брату пришлось толкнуть его локтем в бок.

– Хорхе никогда раньше не видел живую картину-перформанс, – смеялся Педро.

– Красиво, да? – подмигнула Эдит.

Как во сне, он почувствовал, что идет в глубину сада, за комнаткой. Там было квадратное пространство, засыпанное влажным песком, которое тоже являлось частью картины. На песке лежала девушка. Она выглядела счастливой. Солнце вспыхивало крохотными блестками на ее теле, расписанном, как полотно Сёра. Хорхе (с раскрытым ртом) в жизни не видел такой совершенной наготы. Груды небольшие, но точно выступали на туловище с мягкими ступенями ребер. Изгиб живота подлинный, не результат напряжения мышц. Ему пришло в голову, что он мог бы обхватить ее талию паль-

цами. Ноги струили длину: когда лепишь такие ноги, легко ошибиться, но Хорхе в режиме медленной съемки прошелся по ним глазами радиолога и не обнаружил ни малейшего дефекта на всем протяжении мышечного асфальта. Даже ступни и кисти (всегда, увы, такие сложные задачи для художника и для генетики) были непогрешимы: длинные выверенные пальцы, толщина в меру, связки выдаются лишь настолько, чтобы было видно, что они живые. Его культурные архетипы, настроенные на красоту конца двадцатого – начала двадцать первого века, были единодушны: это шедевр.

Однако не только форма, но и движения, противоречивое выражение одновременно наивного и коварного лица, очертания суставов, работа мышц, которые в таких телах, как у Хорхе, спали всю жизнь, пока их не разбудят конвульсии агонии (если разбудят). Это было самое гармоничное целое, которое он когда-либо видел. Девушка переворачивалась с боку на бок, развалившись на песке. Потом поднялась и начала дикий танец – волосы превратились в бурю золотых слитков, крикнула, соорудила набедренную повязку из листьев шелковицы и надела ее на гибкую талию. Во время всех этих неистовых телодвижений кожа ее сочилась краской: очень светлым оттенком выжатого лимона, который его брат назвал гидроксилимонной кислотой. В воспаленном сознании Хорхе это слово обросло отзвуками священного танца. Пока он сходил в дом за напитками и быстро вернулся в сад, чтобы понаблюдать за продолжением, он бормотал себе под нос:

«Гидроксилимон. Гидроксилимон». Ритм стал навязчивым.

Вечер подходил к концу. Действие картины длилось уже полтора часа. В заключение своей личной вакханалии девушка мастурбировала: медленно, настоятельно, лежа спиной на песке. Хорхе не показалось, что она играла.

– А потом, – рассказывала дальше Эдит на своем чужеземном музыкальном испанском, – после экстаза она начинает ощущать голод и жажду. Да и холод. И вспоминает, что еда, вода и одежда – внутри комнаты. Поэтому она снова пролезает в дыру, попадает в комнату, ест, пьет, снова надевает подвенечное платье и снова становится целомудренной воспитанной девушкой, какой была вначале. А после перерыва действие начинается сначала. Большая смысловая нагрузка, правда?

– Это типично для Вики Льеда, – почесывая бороду, подытожил Педро. – Полное освобождение женщины невозможно, пока мужчина не прекратит шантажировать ее мнимыми преимуществами государства благосостояния.

В тот вечер полотно должно было возвращаться в Мадрид на такси. Хорхе предложил его подвезти (к счастью, Педро предпочел уйти сам). В свитере и джинсах, с платком на шее, картина показалась ему не менее обворожительной, чем когда была нагой, растрепанной и потемневшей от пота и песка. Отсутствие бровей и блеск кожи казались притягательными. Она сказала ему, что «загрунтована». Тогда он услышал это слово впервые. «Грунтовать – значит готовить полотно для

живописи», – пояснила она. По дороге, не отрывая рук от руля, он задал ей некоторые вопросы и получил некоторые ответы: ей двадцать три года (почти двадцать четыре), с шестнадцати лет она была моделью ГД-искусства. Хорхе понравились ее непринужденность, ум, жесты при разговоре, мягкий, но решительный тон. Она рассказывала фантастические вещи о своей работе. «Не думай, модели ГД-искусства – не актеры, они – произведения искусства и делают *все*, что придумывают для них художники, да, все, без всяких ограничений. Гипердраматизм потому так и называется, что заходит *дальше*, чем драматическое искусство. Тут нет никакого притворства. В ГД-искусстве все реально, включая секс, когда он есть в картинах, и жестокость». Что она чувствовала, занимаясь всем этим? Ну, то, что должна была чувствовать по замыслу художника, что он хотел, чтобы она чувствовала. В случае «Белой королевы» – клаустрофобию, полную свободу, неудобство и возвращение к клаустрофобии. «Невероятная профессия», – согласился он. «А ты чем занимаешься?» – спросила она. «А я – радиолог», – последовал ответ.

Потом начались свидания, прогулки, проведенные вместе ночи.

Если бы его попросили одним словом дать определение этой связи, он без колебаний ответил бы: «Странная и захватывающая».

Все в ней завораживало его. То, как она иногда красилась. Заморские эссенции, которыми иногда душилась. Рос-

кошная элегантность одежды. Надменное спокойствие, когда она выставялась обнаженной. Неприкрытая бисексуальность. Возмутительные упражнения, которые ей иногда приходилось выполнять, когда ее писали. И, несмотря на все это, ее *невинность* актрисы-дебютантки. В том, что касалось ее, противоречия были нормой. Он до пресыщения впитывал ее качества. А потом ему хотелось немного простоты. После подсматривания за совокуплениями бактерий Беатрис становилась простой. Почему, смыв с себя краску, не могла стать простой Клара? Откуда это жуткое ощущение *фетишизма*, будто спать с ней – все равно что целовать роскошную туфлю?

В последнее время он провоцировал ее на ссоры: таким образом он получал простоту. «Все пары ссорятся. Мы тоже. Вывод: мы такие же, как все пары». Изъяна в логике этого рассуждения не находилось. Последняя схватка произошла на Кларин день рождения, 16 апреля. Они пошли ужинать в какой-то новый ресторан (канделябры, аккордеоны и блюда, названия которых можно произнести только чрезвычайно гибким языком). Хорхе закрывает глаза и видит ее такой, какой она была в тот вечер: кожаное платье от Лакруа и бархотка с автографом дизайнера на серебряном кольце. Все это, и только это, никакого нижнего белья, потому что по утрам она выставялась обнаженной в картине Жауме Оресте. Взгляд Хорхе бегал от кольца до края сжатой декольте груди. Грудь дышала, как белые киты, кольцо качалось,

как иллюминатор корабля. Естественно, он был возбужден (встречаясь с ней, он всегда был возбужден), но, кроме того, он испытывал желание разрушить эту пышную гармонию. Это было похоже на искушение, которое толкает ребенка разбить самую дорогую тарелку в доме. Он начал издали, не раскрывая истинных намерений, воспользовавшись переменной темы в разговоре:

– Ты знала, что «Монстры» стали самой посещаемой выставкой в истории мюнхенского Хаус дер Кунст? Мне на днях говорил Педро.

– Неудивительно.

– А в Бильбао грызутся, чтобы привезти «Цветы» в Гугенхайм, но Педро говорит, что это им выльется в большие бабки. И это еще цветочки: по всем прогнозам, новая коллекция, которая выйдет в этом году, «Рембрандт», переплюнет «Цветы» и «Монстров» по числу посетителей и стоимости картин. Кое-кто говорит, что это будет важнейшая выставка в истории. В общем, твой «Мэтр» добился, что гипердраматическое искусство стало одним из самых прибыльных видов бизнеса в двадцать первом веке...

Гарпун закинут, капитан Ахав! Два симметричных кита одновременно вздымаются. Серебряное суденышко дрожит.

– И ты, как всегда, считаешь, что мир сошел с ума.

– Нет, мир сумасшедший с самого начала, дело не в этом. Просто я не согласен с тем, что думает о ван Тисхе большинство людей.

– И что они думают?

– Что он гений.

– Он и есть гений.

– Извини-ка, ван Тисх – ловкач, а это не одно и то же. Мой брат говорит, что гипердраматическое искусство создали Та-нагорский, Калима и Бунхер в начале семидесятых. Они действительно были художниками, но остались на бобах. Потом появился ван Тисх, который в молодости унаследовал состояние какого-то богатого родственника из Соединенных Штатов, придумал схему купли-продажи картин, основал Фонд, который раскручивает его работы, и теперь занимается стрижкой купонов с гипердраматизма. Блин, классный бизнес.

– Ты считаешь, это плохо?

Она демонстрировала невыносимое спокойствие. Привыкнув владеть собой, она использовала этот навык как преимущество. Хорхе было очень непросто вывести ее из себя, потому что терпение полотна бесконечно.

– Я считаю вот что: это бизнес, а не искусство. Хотя, если задуматься, это ведь твой любимый ван Тисх сморозил, что «искусство есть деньги»?

– И он был прав.

– Был прав? Разве Рембрандт – гений, потому что его картины стоят теперь миллионы долларов?

– Нет, но если бы картины Рембрандта не стоили теперь миллионы долларов, кому было бы дело до того, что он ге-

ний? – Он собирался возразить, но тут непредвиденная капля сливок (подали десерт: закрученные трубочками, распухшие от крема блинчики) упала на его галстук (*плюх*, капитан Ахав, вас обделала чайка), что заставило его пуститься в противнейший салфеточный ритуал, пока она продолжала: – Ван Тисх понял: чтобы создать новое искусство, необходимо сделать так, чтоб оно приносило деньги.

– Дорогая, это рассуждение приемлемо только для бизнеса.

– Хорхе, искусство и есть бизнес, – невозмутимо изрекла она, и ксерокопированное в ее голубых глазах пламя свечи моргнуло.

– Господи, вы только послушайте мнение произведения искусства! Значит, ты, профессиональная картина, считаешь, что искусство – это бизнес?

– Ага. Так же, как медицина.

«Ага». Эта ее дурацкая привычка говорить «ага». Произнося это симметричное слово, она открывала рот и выгибала одну из нарисованных невсамделишных бровей. Ага.

– Ты берешь деньги за свои радиографии так же, как художник за картины, – разглагольствовала она. – Ведь ты постоянно повторяешь, что такой-то твой коллега должен был бы знать, что «медицина – искусство»? Ну вот.

– Что вот?

– Что медицина – искусство, а значит, и бизнес. В наше время все одинаково – искусство и бизнес. Настоящие ху-

дожники знают, что между этими понятиями нет никакой разницы. По крайней мере, на сегодняшний день уже нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.